

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

Кровавый
чернозем

Агентство «Глория»

Фридрих Незнанский
Кровавый чернозем

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Кровавый чернозем / Ф. Е. Незнанский — «Автор»,
— (Агентство «Глория»)

Новое дело, которое расследует Денис Грязнов, начальник детективного агентства «Глория», началось неожиданно – у него во время рыбалки угнали автомобиль. И Денис вышел на след банды, терроризирующей подмосковных фермеров. Погони, убийства, шантаж, коррупция в сфере милицейских чиновников -со всем этим столкнулось агентство «Глория» при расследовании угона автомобиля и на первый взгляд незначительной кражи у местного фермера...

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	18
Глава третья	25
Глава четвертая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Фридрих Евсеевич Незнанский

Кровавый чернозем

Глава первая

– Хорошо! – вздохнул Вячеслав Иванович Грязнов, оглядывая бескрайние русские поля, раскинувшиеся по обе стороны проселочной дороги.

– Угу, – вторил ему Денис, – вот если бы не я, мы, пожалуй, этим летом так из пыльной Москвы и не выбрались бы.

– Это точно, – с интонациями легендарного товарища Сухова подтвердил Вячеслав Иванович.

Начальник частного охранного предприятия «Глория» Денис Грязнов и его дядя, начальник МУРа, генерал милиции Вячеслав Иванович Грязнов, отправились на выходные в верховья реки Рузы, чтобы на досуге предаться одолевшей обоих в последнее время страсти к рыбной ловле. Виной всему была хорошая погода – не слишком жаркая, но и не прохладная, как раз такая, в какую летом легче всего думается и путешествуется. Обоим захотелось за город, на природу. Но, поскольку просто так, бездумно и бесцельно отдыхать ни тот ни другой не умели, приходилось придумывать дополнительные занятия. Старший Грязнов собирался опробовать новый спиннинг, активно рекламировавшийся по телевидению, а младший – продемонстрировать на деле новоприобретенную палочку органического стекла, с помощью которого можно разжечь любые, самые сырые дрова.

Договорились о поездке они заранее, так как оба не любили внезапностей в жизни – неожиданностей хватало им и на работе. В шесть утра Денис уже ждал в машине у дядино дома на Енисейской улице – чтобы доехать по холодку и без дорожных заторов. Грязнов-старший появился вовремя, как всегда, ни минуты опоздания. Трудно было в этом крупном мужике в старой кепке на голове, брюках с пузырями на коленях и неприметной легкой курточке узнать начальника Московского уголовного розыска. Дачник как дачник...

– Добрейший денечек, – приветствовал он Дениса, залезая на соседнее сиденье. – Ну и машина... Высоко сажу, далеко гляжу... И когда ты, Денис, образумишься и приобретешь себе что-нибудь приличное? Ну совсем обыкновенное, без выпендрежа, чтобы просто ездить?

В данный момент Денис раскатывал на «рейнджровере», причем внес в конструкцию джипа некоторые усовершенствования: сменил кресло водителя на другое, амортизирующее и жесткое, похожее на кресло пилота космического экипажа. На крыше он укрепил ряд фонарей, которые одни называли «рампой», другие «люстрой», – но с должным уважением не относился никто.

– Зато у меня теперь никто даже не пытается просить ключи от машины, – с гордостью объявил Денис, вырвав из дворов на улицу.

– Мальчишка и есть, – хмыкнул Грязнов-старший. – Детские радости... Как ты ухитришься «Глорией» управлять, да еще почти без сучка – ума не приложу! А ведь мужать уже пора...

– Ты конечно же в мои годы... – подсказал Денис.

Вячеслав Иванович только хмыкнул, открывая пакет с кефиром.

Племянник и дядя обладали определенным родственным сходством, которое крылось конечно же не только во внешности – оба высокие, оба рыжие, только Денис в настоящем, а Вячеслав Иванович уже в прошлом, – но и в сходных привычках, представлениях о мире. Возможно, сказывалась и совместная работа – люди притираются друг к другу, так становятся похожи после нескольких лет совместного проживания муж и жена.

- Деньги-то есть? – спросил дядя. – Не забыл на черный день отложить?
- Что бы я делал без твоих напоминаний... Денег полные закрома, только теперь ими

Людка распоряжается.

- Как она? – спросил Вячеслав Иванович скорее из вежливости.

– Нормально, – отвечал Денис, проскакывая на красный свет. – Черт, что я делаю? С утра сегодня начал с того, что нарушаю все правила... На самом деле все хорошо...

Людой звали последнюю пассию Дениса. Один он быть не мог категорически – в силу темперамента и какого-то особенного душевного устройства, то есть мог, конечно, но это ему совершенно не нравилось. Откровенным бабником он не был, придерживался в отношениях определенных принципов – старался, например, встречаться одновременно только с одной, готов был в случае чего предоставить материальные средства... Сам Денис называл это «кодексом чести Казановы». Однако женщины не ценили этого и все равно обижались – во-первых, жениться он не хотел категорически, во-вторых, более всего ценил свою свободу и гулял сам по себе. Мог не прийти, не позвонить, скрыться неизвестно куда, совершенно не считая себя виноватым... Вместо того чтобы вести женщину в театр в выходные, неожиданно пропал, ехал один в Серебряный бор, разводил там костер и подолгу сидел, уставившись на водную гладь. Размышлял. Возвращался далеко за полночь. Женщины, конечно, не верили, что время он проводит один, и подозревали многочисленных соперниц, совершенно не принимая во внимание Денисовы романтические наклонности. Подкузьмила ему в этом смысле и работа. Она была настоящая, мужественная, женщины это любили, но только на первых порах. А когда оказывалось, что Денис постоянно находится вне их досягаемости и появляется раз в две недели, да к тому же еще рискует быть подстреленным или еще чего похуже, – отношение их резко менялось...

Однако последняя, Людмила, задержалась надолго. Это была умная девушка, а Денис давно проповедовал друзьям, что он хочет найти умную, сексуальную, красивую. Ну и получил... Денис познакомился с ней в библиотеке. Раз в несколько лет черт, как он сам говорил, туда его понес. Надо было перечитать что-то в толстом журнале годичной давности. Ну, и книжку ему принесла она. Люда была первая женщина, которая настолько втерлась к нему в доверие, что он позволил ей жить в своей квартире. Иногда он задумывался: она абсолютно спокойна или просто его не любит? На отлучки она не реагировала, скандалов не устраивала, про других женщин говорила, что приветствует разумную конкуренцию, и Денис с ужасом понимал, что без всяких намеков с ее стороны у него неожиданно начала зарождаться мысль о женитьбе. Пока он гнал эту мысль, бежал от нее, редко появлялся дома, но Люда лишь мудро усмехалась, словно уже знала всю свою жизнь наперед.

Дядя был прекрасно осведомлен о «семейных» обстоятельствах Дениса, и поэтому Денис в присутствии его напрягался и изо всех сил старался дать понять, что на женщин ему наплевать в высшей степени. Посмотрел искоса на дядю – нет, кажется, ничего не имел в виду, сидел, попивал кефирчик, дыша в приоткрытое окно свежим подмосковным воздухом.

– Позвони мне после выходных, – сказал Грязнов-старший, почувствовав взгляд племянника, – может, я тебе кое-что подкину.

- Зачем? – искренне удивился Денис. – Могу я позволить себе и отдохнуть.

На работе у Дениса Грязнова временно наступило затишье. Он, образно выражаясь, закинул сразу несколько удочек и теперь сидел и ждал, на какую из них клиент клюнет. Более же делать в городе было нечего. На всякий случай Денис оставил вместо себя в агентстве заместителем оперативника Алексея Петровича Кротова, по совместительству тайного агента МВД. О последнем факте, то есть о двойной работе Алексея Петровича, было известно далеко не всем сотрудникам агентства, да и то крайне мало. Из вежливости в подробности они не вдавались. Алексей Петрович был в Москве по своим делам и обещал «посидеть на телефоне», как он сам выразился.

Сперва дядя с племянником бодро доехали до Волоколамска по Волоколамскому же шоссе, затем повернули вниз на Осташево, а перед Рузским водохранилищем снова свернули и отыскивали в лесу укромное местечко. Джип припрятали и дальше на моторке, уговорив за скромную мзду местного жителя, переправились на другую сторону, к деревне Дерменцево... Там, на островках и плесах, ловить можно было вдоволь и разными способами. А всего-то навсего получалось сто – сто двадцать километров от Москвы.

– Я бы на твоём месте, – сообщил Вячеслав Иванович, неодобрительно посматривая, как племянник маскирует джип еловыми ветками, – этого не делал.

– Ну да, ты бы на моём месте его в плоскодонку погрузил или по дну переправил, – отмахнулся Денис, любуясь на свою работу.

– Во всяком случае, надеюсь, ты достал из машины все ценное?

– Конечно. Кроме того, хваленая сигнализация «Вепрь», по заверениям продавцов, может остановить двигатель через несколько секунд после того, как чужой заведет машину. Поверим «Вепрю»?

Вячеслав Иванович пробормотал что-то маловразумительное, типа «твоя машина, что хошь, то и делай, на гонорары частного сыщика барствовать можно».

– Ну и потом, сам посуди, кто угонит такую заметную машину?хлопот не оберешься.

– Народ у нас запасливый. Угонят и в сараюшке неприметной припрячут. Знаешь, у некоторых селян по сараям даже танки времен войны обнаружить можно...

– Времен войны с Наполеоном? – весело подмигнул племянник.

– Может быть... – пожал плечами дядя и первый заспешил к берегу, где незнакомый дядя Вася, которого они встретили всего несколько минут назад в деревне, уже ждал их на лодке, соблазненный посулами четвертинки, которая до сих пор осталась в провинции более ходовой валютой, нежели даже зеленый американский доллар.

Распрощавшись с этим далеким потомком древнегреческого Харона, Грязновы заспешили по песчаному берегу вдаль, к отдыху и охотничьим победам. Денис переоблачился в резиновые сапоги до колен для прогулок по воде или болотам, которых здесь тоже было в изобилии. Грязнов-старший остался в родных ботинках, мотивируя это так:

– Как вымокнут, так и высохнут. Нечего суетиться...

Сначала совершили экскурсию в дебри, по пути собирая самые бросающиеся в глаза грибы, прихватив дикорастущей мяты к чаю. Грязнов-старший шагал бодро, но через пару часов предложил возвращаться. Денис посмотрел на него с сомнением, подумав, что старик уже стал сдавать. Пару лет назад Вячеслав Иванович мог за пояс заткнуть двоих таких, как Денис.

Расположились на песчаной косе, расстелили карту местности и стали строить планы на сегодняшний вечер и на завтра.

– Двигаться с места уже смысла не имеет, – сообщил Вячеслав Иванович, – а я бы прикорнул, пока дождя нет, до после обеда, а ночью бы половил непременно.

– Подходит, – согласился Денис, сворачивая в валик куртку и подкладывая ее себе под голову.

Перед тем как задремать, он успел подумать: не случилось ли чего в Москве? За эти годы работа так въелась в его плоть и кровь, что окончательно избавиться от мыслей о ней он не мог, и даже о девушках думал гораздо меньше.

ЧОП «Глория» начало свою жизнь почти десять лет назад, причем поначалу это был личный проект Вячеслава Грязнова, тогда еще старшего оперуполномоченного МУРа. Таким образом, Грязнов-старший собирался, сменив место работы, начать зарабатывать к старости неплохие деньги. Однако не сложилось – не ушел он из своего родного МУРа, вернее, ушел ненадолго, поскитался со своим частным предприятием, да и бросил – не та уже прыть была, не те настроения, чтобы неверных жен выслеживать. И к МУРу он привык – сколько лет в нем

работал, все коридоры знал. Потому с удовольствием дал себя уговорить вернуться с повышением. А дела по «Глории» передал с облегчением кстати подвернувшемуся смышленому племяннику, Денису, у которого были за плечами служба в армии и уже начатое юридическое образование (Денис учился заочно на юрфаке). Денис Грязнов был сыном сестры Вячеслава Ивановича, жившей в провинции и приславшей мальчика к старшему брату «на доработку». Конечно, о работе Дениса по той же правоохранительной специальности сестра и не помышляла и поначалу пришла в ужас и даже скандалила. Но со временем родители привыкают к выбору своих взрослых детей...

Рыжеватый Денис быстро вошел в курс дела и был сейчас одним из лучших специалистов частного сыска – к своим тридцати. В столице его знали и уважали, обращались к нему в сложных случаях, тем более что, благодаря родственным связям, Денис Грязнов зачастую работал в тесном контакте с правоохранительными органами, что почему-то внушало клиентам особенное доверие. Отдельно МУРу не доверял никто, отдельно частным сыщикам – тоже, а вот «Глории» под крылом МУРа – пожалуйста; было в этом что-то непоследовательное, но люди – существа странные. Тем не менее это предприятие приносило немалый доход, распространяя со временем свое влияние и на провинцию, и даже в результате нескольких некрупных, но удачно провернутых дел и на границу.

Весь уикенд Грязновы отдыхали по-мужски: ночью ловили на донки, днем – на удочки и спиннинг, а ловилось все то, что обычно ловится в Подмосковье – плотва, окуньки величиной с ладонь, щучки, подъязки – некрупные язи. Соответственно и уху Грязнов-старший варил из всего этого улова, да еще с голодухи ели да нахваливали – рыба речная, конечно, костистая и тиной пахнет, но гордость за собственную добычу не позволяла рассуждать здраво.

Дождя не предвиделось, клев был хороший, потому Грязновы даже и задержались более, нежели предполагали.

Однако, начавшись и продолжившись так хорошо, под конец уикенд приподнес Грязновым неожиданный и неприятный сюрприз. Вернувшись к исходному пункту плавания стараниями прибывшего за ними на моторке дяди Васи, Грязновы обнаружили, что джипа в лесу на положенном месте нет. Как корова языком слизала, то есть вот совсем: колея есть, сосновые иголки и высохшие листья есть, а машины нет...

– Я предупреждал, – сказал Вячеслав Иванович. – Ты, Денис, в России живешь, а не в Германии, знаешь же – у нас воруют...

– Раньше, главное, всегда оставлял – и ничего... – расстраивался Денис, крутясь вокруг места, где стоял джип, и осматривая траву. – Кто бы мог подумать, что в такой глухомани... Кому он здесь нужен?

Расстроенный, насупившийся Денис выглядел довольно забавно. Крупный его нос неровной формы от расстройства налился кровью, словно у пьяницы, под сходящимися на переносице бровями внимательно смотрели мелкие голубые глаза. Само же лицо было мягкое, подвижное, словно из пластилина, что неимоверно облегчало Грязнову детективную работу: такое лицо легко гримировать подо что угодно.

Денис Грязнов сделал два длинных шага и пересек полянку. Наклонился, что-то вынюхивая.

– Что ты нюхаешь? – брезгливо поморщился дядя.

– Тосол у меня протекает. Знаешь, запах такой сладко-приторный, очень противный...

– Тьфу, – сказал Грязнов-старший. – Ты лучше скажи, как отсюда выбираться будем? А ты сам виноват. Для таких мероприятий хорошо бы иметь машину поскромнее. Что теперь твоя вторая половина скажет?

Дениса передернуло.

– Ничего не скажет, – ответил он мрачно. – Ей какое дело?...

– Ну все. Прощайся с тачкой.

– Думаешь, в сараюшке схоронят?

– Зачем? На юг продадут. В ту же Чечню, – уверенно объяснил дядя. – Не по здешним же кочкам скакать, хотя машина подходящая – как раз для бездорожья. Вместо трактора...

– В ту сторону уехали, – объявил результат своих исследований Денис. – Туда и пойдём... Поиграем в шерлоков холмсов. Потому что ты, дядя, на ватсона не тянешь... Так и не успел залатать перед поездкой, – сказал он, потрогав землю и понюхав пальцы. – Тосолом воняет.

– Думаешь, как овчарка, по следу до самой Москвы бежать? Хотя... пойдём, конечно, – согласился дядя. – Все равно отсюда пешком выбираться.

– Водить он его не умеет, – горестно сказал Денис, указывая на длинную свежую царапину на стволе дерева. Такая же точно вмятина теперь, по логике вещей, должна была красоваться на боку его джипа...

Перебрасываясь короткими замечаниями, опустив головы, Грязновы шли по еле заметному следу, ведущему вдоль просеки прочь из леса.

О джипе и безалаберности племянника Грязнов-старший больше ничего не говорил – он вообще придерживался того мнения, что свой опыт не передашь, каждый должен самостоятельно шишки набить, прежде чем в жизни разобраться. Возраст Дениса, на его взгляд, аккурат подходил для такого собирания шишек, а его дело, как взрослого, было следить, чтобы шишки эти были не размером во всю голову...

– Попутку бы поймать, – мечтал Денис.

– Разленился ты, как я вижу. Все на машине да на машине... Вот теперь научишься пешком ходить, – сказал дядя довольным голосом. – Ничего, и на метро поездишь.

– На метро?! – ужаснулся Денис. – Да я несколько лет в метро не был!

– Вот и посмотришь, как нормальные люди живут, тебе полезно... А то страшно далеки вы от народа, – не унимался дядя. Грешным делом, он был даже рад. Официальные власти давно заимели на «Глорию» зуб за то, что занимаются, мол, чем хотят, в свое удовольствие, и никакой рутины, а деньги гребут... А муровцы тут на государственных зарплатах за всех перед всеми отвечают. Сам того не замечая, Вячеслав Иванович невольно принимал иногда сторону коллег по работе, несмотря на то что «Глория» была все-таки его родным детищем. Но такова, похоже, была сила денежных знаков – видеть их в других руках в большем количестве, нежели у тебя, было мучительно, даже если это руки твоего лучшего друга. Сразу вспоминаются просроченные платежи, требующий ремонта санузел или выданный когда-то много лет назад блеск моря, к которому и этим летом ты не поедешь. Подумав обо всем этом, Вячеслав Иванович почувствовал себя неприятно и сплюнул.

– Не обращай внимания, – сказал он племяннику. – Что-то я сегодня разворчался, дождь, что ли, натягивает... На душе как-то пасмурно.

Племянник взглянул на него искоса, но ничего не ответил. Несмотря на то что с дядей общался он нечасто, все настроения его он прекрасно знал и подводные камни, встречавшиеся в беседах, давно научился обходить. Он был здоров и молод и практически не знал плохого настроения.

Впереди замаячила опушка – лес кончался сухим полем с коротким ежиком травы, никаких четких следов на нем оставлено не было, да и изъезжено оно было вдоль и поперек.

– Куда пойдём?

Денис неопределенно махнул рукой вправо. В отдалении высился добротный кирпичный двухэтажный дом, обнесенный гладким зеленым забором.

– Пойдем к людям. Может, машину дадут добраться до города или хоть телегу какую... Тем более, что по карте именно в той стороне проходит основное шоссе...

Когда Грязновы подошли к дому, из ворот выскочила мелкая шавка и завертелась ужом у ног, задыхаясь от злости и страха. Денис стремительно наклонился: перед крыльцом на сыроватой земле отпечатался рисунок шин «рейнджровера».

– Что за черт? – сказал он, почесав затылок. – По-твоему, в этой местности могут находиться одновременно два джипа-"рейнджровера"? Или это мой? А если мой, то что он тут делал?

– Войдем, – предложил дядя. – И всех, кого найдем, допросим с пристрастием. Вам что, гражданин? – строго спросил он у рычащей шавки.

Зашли – калитка оказалась распахнута, замок сбит. Покричали хозяев. Никто не отозвался. На участке стояла подозрительная тишина, даже собака, поворчав, заползла под крыльцо. Грязновы поежились.

– Не случилось ли чего? – сказал Вячеслав Иванович, обходя дом кругом. – Есть тут кто живой? – Он прильнул к темному окну, закрывшись тыльной стороной ладони и пытаясь что-нибудь рассмотреть внутри.

– Может, они на огороде? – предположил Денис. – Где у них тут огород? За домом? Не спят же деревенские жители в разгар страды!

Послышался шум машины, и вскоре перед домом затормозила «Нива», из нее вылезли пыльные и потные мужчина лет сорока, держащий под мышкой видеокамеру, и довольно привлекательная женщина ровесница, в простом ситцевом платье.

– Вот и хозяйева, – облегченно вздохнул Грязнов-старший, – как видишь, живы-здоровы и машина у них своя, хоть, конечно, и не такая шикарная. Иди теперь с ними объясняться, что мы на участке делаем.

– Добрый день! – поздоровался Денис, выглядывая из-за забора. – Это ваше владение? Мы зашли, смотрим – а хозяев дома нет...

– Здравствуйте... – слегка удивился мужчина, оглядывая их неодобрительно. – Вы по какому поводу?

– Денис, – протянул руку Денис.

– Василий, – представился хозяин и добавил для солидности: – Ковригин. А это жена моя, Елена. – А вы, собственно?

– Мы, собственно, из лесу вышли, – продолжал Грязнов-младший. – На рыбалке мы были. Машину у нас украли.

– Как же так – машину украли? – удивилась женщина. – Сроду у нас тут не воровали... Так разве мальчишки...

– Поздравляем с почином, – ухмыльнулся Денис.

– Как вас угораздило? – спросил недоверчивый хозяин, рассматривая незнакомцев.

– Да мы ее в лесу оставили, – весело признался Денис. – Ветками закидали...

– А от нас чего хотите? – мрачно спросил хозяин, но, сообразив, что это звучит как-то невежливо, поспешно добавил: – Хорошая машина-то?

– Хорошая.

– Ну, это вы зря. Кто ж на хорошей машине по таким дорогам ездит? Баловство одно, – произнес приговор хозяин, копаясь на заднем сиденье.

– Получил? – шепотом спросил Грязнов-старший у Дениса.

– Где были-то? На островках? – спросил хозяин дома, выныривая из машины. – Там хорошо... Клев удачный?

– Весьма. Как никогда в жизни, – отрапортовал Денис, которому не нравился тон разговора.

– Ну, тогда все в порядке. Особенно жалеть вам не приходится, считай, заплатили за удовольствие, – пожал плечами хозяин. – А все-таки глупо так вещи бросать, я вот, например, хоть и оставляю дом без присмотра, так у меня запоры разные хитрые... Извините, сейчас я вещи разберу и к вам выйду...

Ковригин вытащил наконец с заднего сиденья большой сверток и поволок его в дом. Жена последовала за ним.

– Домострой какой-то, – хмыкнул Денис, провожая их взглядом.

– Почему дверь открыта? – забеспокоился вдруг хозяин, встав на крыльце. – Лена, я же ее запираю, ты помнишь?

– Ого! – заинтересовался Денис, повернувшись к дому. – Кажется, что-то все же случилось...

Вячеслав Иванович смотрел на племянника с интересом. Денис преобразился, став моментально похожим на рыжего сеттера, сделавшего стойку.

Ковригин с женой зашли в дом. Раздался женский крик.

– Вася! Да что же это!

– Спокойно, Лена, спокойно. Все в порядке... – послышался гулкий голос хозяина, после чего, сочтя жену успокоенной, он не стесняясь стал выражать собственные эмоции, проявляя поразительное знание особенностей местного языка.

– Мы не ошиблись, – сказал Денис, прислушиваясь к доносившейся из дома ругани, как к музыке. – Пройдем! Осмотрим место происшествия.

Грязновы переглянулись и, не дожидаясь приглашения, вошли в дом, не забыв, впрочем, вежливо обтереть ботинки на крыльце.

Дом был добротный, с большими квадратными комнатами, обставленный с чисто деревенским шиком – палас на полу во всех комнатах, потолки с пластмассовой лепниной – для тепла и красоты, русская печь внутри дома на кухне, входы в комнаты перекрыты занавесочками. Однако с первого взгляда было заметно, что в доме не все в порядке: захрустело стекло под ногами из разбитого сквозняком окна, разбросаны были подушки дивана, распахнуты дверцы шкафов, на модной тумбочке у стола, предназначенной по всем признакам для телевизора, не было ничего.

Женщина где-то плакала.

Грязновы оказались, по всей видимости, в гостиной. Обведя пальцем контур пыли на комод, Денис Грязнов сообщил:

– Все унесли, в том числе музыкальный центр. Прихватили самое дорогое – в прямом и переносном смысле... Теперь до самой Москвы мы будем идти по следам разрушений, – пошутил он. – В лесах поселился какой-то маньяк, одержимый kleptomанией.

– Ничего себе kleptomания, – усмехнулся дядя. – Джип в кармане не унесешь...

– Соловей-разбойник, – предположил Денис. – Остался от былинных времен... Как считаешь, принимаем за версию? Хозяева! – крикнул он. – Теперь мы с вами коллеги по несчастью.

Мимо, заглянув в дверь, мрачно прошагал хозяин, хлопнула дверь – видимо, вышел на улицу. Чтобы не оставаться одним в доме с плачущей женщиной, Грязновы последовали за ним.

Ковригин вышел на крыльцо, по дороге вытрясая из пачки «беломорину». Продул, облокотившись на перила, закурил. Денис выглянул следом, не упустив съязвить:

– А вы, хозяин, за какое удовольствие заплатили?

Лицо Ковригина начало наливаться кровью. Чтобы предотвратить ссору, Денис быстро продолжил:

– Кстати, разрешите представиться – я директор частного детективного агентства, а это вот – начальник МУРа, Вячеслав Иванович Грязнов. Генерал. Имейте это в виду... Можем помочь.

– Ну да, – сказал Ковригин, – результативность работы наших оперативников возросла до небывалых высот. Они появляются на месте происшествия раньше, чем жертвы...

– Да покажи ты ему документы, чего человеку голову морочить? – возмутился Грязнов-старший и сам первый полез за удостоверением. Показал.

– Ни фиги себе! – изумился Ковригин. – Чего в жизни не бывает!

Вытащил свою «корочку» и Денис. Ковригин покосился на него, но ничего не сказал. Помолчал, подумал.

– Кассеты у меня там были. Видео. Жалко, – сообщил он, выдержав паузу, во время которой, видимо, обдумывал, стоит ли довериться непрошеным гостям. – Все остальное пускай бы забирали... Грешно о вещах жалеть...

– Какая потеря! – воскликнул бессердечный Денис.

– Что на кассетах? – осведомился более прозорливый Вячеслав Иванович.

– Архив... Видеозаписи, – горестно произнес Василий. – Сын у нас был, – перешел он на доверительный шепот, озираясь на дом – не идет ли жена. – Умер... Взрослый, в сущности, был парень. На флот пошел... Говорили мы ему: лучше уж в институт да по хозяйственной части... Да так оно и бывает – лучшие все ребята уходят...

– Соболезную, – сказал Грязнов-старший. Младший тактично помолчал.

– Ну а я давно этим делом, съемкой-то, увлекаюсь... Вроде хобби. Камеру даже в «Сам себе режиссер» выиграл, – горделиво приосанился хозяин. – И в деревню меня зовут подрабывать – крестины там, свадьба... Похороны... Денег, конечно, мало, откуда у народа деньги, зато и уважение, и отношение хорошее. Если чего – помогут, подкинут... Нам ведь, фермерам, трудно приходится. Зависть людская. Сами ничего делать не хотят, а другим не дают. Нечего, мол, богатеть у нас под боком... Но тут нам повезло. Соседи вроде хорошие... Да и вообще, молодежи-то почти и нет. Старики одни... Им-то что с нами сражаться. Слава богу, вот хоть камеру с собой брали – это мы поле ездили снимать наше, рожь у нас и подсолнухи по бокам...

– Так вы говорили... – осторожно направил разговор Вячеслав Иванович.

– Да... так у меня съемки сына там были. Как он маленький был, как рос... Память. Память украли у меня. Кому они нужны-то, старые кассеты? – ударил он в сердцах по перилам ладонью. – Что на них записывать?!

– Так, значит, по вашему мнению, это не местные? – продолжал выяснять Грязнов-старший. – Ваша жена говорила – у вас не воруют...

– Да ведь некому! Нет, но в центре-то стали подворовывать в последнее время, да... А так скотину еще угоняют, давно я жалобы пишу и в город, и в область по всем инстанциям... А потом моих же коров на мясокомбинат, а деньги себе...

– Откуда же заезжие люди могли знать, что у вас есть чем поживиться? Дом ваш на отшибе стоит, это специально только знать надо и к нему сворачивать...

– Так ведь меня весь район знает! – сообщил, воодушевившись, Ковригин. – Один я тут фермер! Да еще какой фермер-то! Загляденье. Вот я вам хозяйство свое покажу, вы мне сами скажете, видели такую красоту? И огород у меня, и парники, землю специально хорошую на машинах возил, глину местную покрывал... И лошадей держим, и овец, и кур, и свиней откармливаем. Коровы у нас замечательные, породистые да с приплодом каждый год. А содержатся – вот вы увидите – в чистоте. Не то что у местных... У меня животное в говне валяться не будет. Мы им соломки режем, чистим загоны каждый день... Пастух у меня отдельный, он их по репьям-то не гоняет... Шерсти овечьей полный сарай настригаем. Вот как.

– Вы все говорите – местные, местные... А сами-то вы откуда?

– Дак я ж городской! Во втором поколении, правда... бабка-то у меня деревенская была. А сам я инженер, да! Вам, кстати, коллега. Я по военному ведомству проходил... Ну, что вспоминать... А потом, как идти стало некуда, я и вспомнил, как в детстве коров доил и босиком бегал. Дай, думаю, на подножный корм перейду... Ну, домик присмотрел и начал... Женился. Я все своими руками умею! Жене там где работу облегчить, воду подвести, подъемничек соорудить... Вот оно где пригодилось, образование-то. Пойдемте-ка, я вам огород хоть покажу. Я там систему оросительную приспособил, с канальцами...

Словоохотливый хозяин повел гостей по огороду, время от времени срывая то тут, то там плод или овощ и гостеприимно угощая новых знакомых, предварительно обтерев дар о рукав

своей рубашки. Судя по устройству сада-огорода, Ковригин и впрямь был народный умелец, инженерный гений. Причем из передовых: ветряк себе на участке поставил, для экологической чистоты. В дом гости вернулись с полными руками и пазухами разнообразной зелени.

– А вы честно из МУРа? – удивлялся Ковригин, пока его успокоившаяся жена ставила чай. – Может, кваску? А что вы тут-то делаете? Особое задание?

– Рыбачили мы, правда, – усмехнулся Вячеслав Иванович. – Отдыхали... Могут ведь и работники МУРа иметь свои человеческие слабости.

– Да ну?! А у меня, знаете, бредень есть, а все пойти недосуг. И плоскодонка...

Тут разговор свернул в приятную для обеих сторон рыболовецкую сторону. Жена, вздыхая, слушала, сложив руки под передником. Наконец решила прервать излишние рыбохотников.

– Вась, а Вась, в милицию ведь надо ехать, – сказала она робко.

– Не к спеху, – отмахнулся муж. – Толку-то с твоей милиции чуть! Лентяи все да ворюги.

– Вась, ты что, товарищи же из милиции сидят! – смутилась Елена.

– Ой, извините! Присутствующих не имею в виду!

– Отдельные недостатки имеются, – веско сказал Грязнов-старший. – На местах... Ну а в целом – чего вы хотите при таких зарплатах. Но что касается данного конкретного случая... Это в моей власти – вам помочь. Сейчас и съездим вместе, мы вашей машиной воспользуемся заодно, о пропаже джипа заявим, вы о своих бедах расскажете, а я потом местное начальство припугну, чтоб расследование скорее шло... Уж будьте уверены, стараться будут, носом землю рыть. Только я бы на вашем месте не слишком обольщался – такие кражи очень трудно раскрываются.

– Так подбросите нас в райцентр? – спросил Денис.

– Не вопрос, – покивал Ковригин. – Прямо вместе и поедем, правда. А то знаете... Одна голова лучше...

Погрузившись в «Ниву», поехали в райцентр. Машина скакала по кочкам и колдобинам, оставшимся от прежних дождей колеям, сейчас высохшим, как камень. В салоне воняло дешевым табаком, бензином. Денис, ухватившись за ручку на дверце, подскакивал на заднем вытертом сиденье, головой все время попадая в потолок и про себя проклиная плохие дороги и свой неумеренный рост. Вячеслав Иванович, как более уважаемый человек, посаженный впереди, чувствовал себя, видимо, прекрасно и степенно вел с Ковригиным полусветский разговор. Однако Денис знал, что за такой скучающей манерой дядя прятал интерес и внимание, откладывая все слова собеседника в копилку памяти; уж сколько раз случалось, что услышанное ненароком Грязнов-старший не забывал несколько лет, а потом предъявлял в нужный момент, причем обернув себе на пользу. Денис Грязнов пока так не умел, хотя в своей области считался не самым худшим. В этом и был основной и единственный повод для стычек с дядей – Грязнов-старший любил доказывать Денису, что тот, по сути, совсем еще щенок, хоть и способный и удачливый. Хвалить он его почти и не хвалил, но всегда сурово разбирал оплошности. В последнее время таковые случались все реже, но дядя позиции своей не менял. Денис же ерепенился, сам прекрасно зная, что стоит он многого и еще больше у него впереди. Возможно, это была просто игра двух взрослых и отчасти одиноких мужчин в отца и сына – детей у Вячеслава Ивановича не было. Впрочем, виделись они вообще нечасто, так как львиную долю жизни у обоих занимала работа, причем работа эта была им в удовольствие.

– Так чем вам так милиция не угодила? – спросил между прочим нового знакомого Вячеслав Иванович. – Почему вот у нас народ так милиции не доверяет?

– А как же иначе? Мне, например, местные власти только палки в колеса вставляют, и милиция с ними заодно. Добро бы они меня же и охраняли за мои деньги. Пробовал я договориться – какое там! Ни в какую. Не до того им, видите ли. Уж я знаю, какими они там делами в

районе ворочают... У нас тут не столица. У нас, извините, вся милиция живет на доход с продажи наркотиков. Не на чем им больше заработать. Ребята торгуют, а милиция прикрывает...

– То есть вы хотите сказать... – нахмурился Вячеслав Иванович.

– Чтоб они подавились этими деньгами, – неожиданно резюмировал Ковригин. – Верите ли, и так все самому приходится, сам доглядываю, где кто обмануть может, хитрю, интриги строю, запугиваю... А они мне говорят: место занимаешь. Предлагали у меня на участке коноплю сеять. Не сами, конечно, не по повестке, так, ребят своих подсылали... Угрожали, говорили, обагрят, дескать, твой чернозем кровушкой. Хрен им с маслом, а не конопля! Не на того напали. Ну, вот теперь и злобствуют. Корову у меня лучшую после этого убили. Выжить меня хотят! Ну а я не уйду. Я тут жил и жить буду, их всех еще переживу. И детей еще нарожаю, и они на моей земле закончат, что я начал! – вошел в раж Ковригин.

Помолчали. Выехали на бугор, стали осторожно спускаться – внизу в деревьях завиднелись первые дома центра, и блеснуло солнце на маковке непрременной церкви.

– Эх, – тоскливо сказал Ковригин, озирая горизонт, – кабы вся эта земля моя была... Я бы не то что этот центр, я, пожалуй, и пол-Москвы бы прокормил. – А здесь что? Мерзость запустения. Трактора на полях ржавеют. Техники нет. Денег в деревне нет. Живем натуральным хозяйством... Площади пропадают незасеянные, непаханные. Сеют на них дрянь какую-нибудь кормовую... Убирать-то кому? Коровник раньше был – развалился. Ветер гуляет, стекла повывесили, рамы, двери... Баню строить хотели – начали даже, – да кирпич разворовали в процессе... Мост через речку деревянный снесли, бетонный строить стали – так год по сваям перескакивали, а машинам и вовсе не проехать... Иной раз такое зло берет! И ведь сами же во всем виноваты...

– Вот что, – сказал Вячеслав Иванович, вздохнув. – Вы ко мне, как будете в Москве, заходите, поподробнее расскажете... Что у вас тут с коноплей происходит. Очень это неприятно слышать, хотя, конечно, кое о чем мы в Москве тоже догадываемся... Главное, чтобы у вас примеры были настоящие, факты, а не догадки или слухи. И пожалуйста – хоть всю местную администрацию посадим.

– Век буду Бога молить! – обрадовался Ковригин. – А вы ко мне приезжайте, – сказал он, – накормлю, напою, порыбачим... Баньку истоплю. Пожалуйста!

Николай Петрович Ширяев, заместитель начальника районного отдела милиции, низенький, полный и лысоватый человек, с лицом, покрытым мелкими бисеринками пота, сидел у себя в плохо проветриваемом кабинете и глушил горячий чай с лимончиком, знатно помогающий от жары. Когда день переваливал за половину, можно было приступить к принятию ежевечернего «Жигулевского». Страсть к пиву была у Николая Петровича семейственная. Отец его пиво пил бочками, брат тоже непутевый... Знать, от какого-нибудь польского или немецкого предка досталось.

Весь районный отдел милиции по летнему времени щеголял в синих рубашках с коротким рукавом.

В обшарпанном помещении несло застоявшейся кислятиной. По коридору бродила беременная кошка. Делать было, как всегда, нечего, но Николай Петрович предпочитал протирать штаны на работе, чем выслушивать дома жалобы супруги и ее родителей.

Дверь открылась, и к Ширяеву заглянул Ваня Жаворонков, славящийся на всю округу необыкновенно оттопыренными ушами.

– Петрович! – сказал он. – К тебе люди из Москвы!

Николай Петрович удивился и вытер лысину несвежим платком.

Отодвинув Ваню, в кабинет вошел крупный лысеющий человек с важными повадками, а за ним еще какой-то моложавый рыжий хлюст и с ними почему-то местный подкулачник Ковригин, угрюмо смотревший на Николая Петровича исподлобья, – их разделяла давнишняя неприязнь.

– Вячеслав Иванович Грязнов, – внушительно представился старший из гостей. – Начальник Московского уголовного розыска. А это Денис Андреевич, мой племянник, юрист.

– Э-э, очень приятно, – протянул ошарашенный Ширяев, вылезая из-за стола. Прибывшие были, правда, в изрядно помятой и запачканной грязью одежде, но держались солидно – сразу было видно, что большие шишки. – К нам какими судьбами? Садитесь, пожалуйста, – спохватился он, указывая на разнокалиберные и шаткие стулья.

– Благодарствуйте, – важно произнес Грязнов, усаживаясь. Николай Петрович мельком взглянул на Ковригина, соображая, не в нем ли причина визита, много ли он успел наябедничать столичному начальству, и удивляясь только: неужели начальник МУРа сам будет заниматься такими ничтожными делами, как разбор жалоб какого-то частного предпринимателя?

– Вот наши документы, – продолжал гость, выкладывая на стол удостоверение. Молодой последовал его примеру.

– Что вы, что вы! – замахал руками Николай Петрович. – Вы меня обижаете, неужели я своих так не вижу? Добро пожаловать.

Однако документы взял и внимательно их осмотрел.

Неприятный хлюст-племянник в углу фыркнул и пробормотал что-то насчет того, кого считать своими, а кого нет, причем явно с тем намеком, что гусь свинье не товарищ. Но Николай Петрович решил погодить обижаться, сперва надо было поглядеть, с чем начальство пожаловало и не грозит ли это ему какой неприятностью.

– Это не для проформы, – пояснил Вячеслав Иванович. – Дело завести немедленно. У вас тут безобразия творятся, порядка никакого, честному человеку от своего имущества на пять минут отойти нельзя. Обокрали нас! В вашем районе. В первый раз в моей жизни! Я этого терпеть не намерен. Что же скажут о нашей милиции, если вор может безнаказанно обокрасть начальника МУРа?

Грязнов посвящал Николая Петровича в цель своего визита, но причина показалась заместителю начальника райотдела мелкой, нестрашной, даже выставляла начальство в таком, что ли, смешном свете, что Николай Петрович воспрянул духом и почувствовал себя гораздо увереннее. Это неприятно, подумал он, что машину у Грязнова сперли именно в его, Николая Петровича, подведомственном районе. Это ведь беспокойство... Скажут еще, что он виноват, развел у себя беспредел. Однако ничего страшного. Если начальство настолько беспечно относится к собственному автотранспорту (виданное ли дело – в России оставлять машину без присмотра!), местный райотдел обвинять не в чем.

– Да, не повезло вам... – притворился он сочувствующим. – Давно у нас таких случаев не было, тц-тц-тц... Может, чайку?

– Спасибо, пили, – коротко отвечал столичный начальник, хмурясь.

«Наябедничал все-таки, гад, – подумал Николай Петрович, замышляя планы мести Ковригину. – Погоди у меня... А, собственно, он-то что тут делает?»

– Обокрали и меня, – пробасил угрюмо Ковригин, как бы расслышав невысказанный вопрос. – Дом ограбили. Все унесли. Видеокассеты верните мне, больше ни о чем не прошу!

– У господина Ковригина украли не только материальные ценности, – пояснил Денис из угла, – но и духовные. Эти видеокассеты были дороги ему как память...

– Ага, – покивал понятливый Николай Петрович, – надо же, беда-то какая! И что за напасть? То не воруют, не воруют, а тут на тебе! Ну что ж... Заявленище тогда напишите, который владелец машины, возьмите вот бумагу, ручку... И вы, гражданин Ковригин, тоже напишите, что у вас. А машина редкая, не волнуйтесь, постараемся найти...

– Уж постарайтесь. И телефон свой мне запишите... Я лично проконтролирую, как расследуются дело. Ну и вы мне, если что, сообщайте. Это я не столько о машине говорю, сколько об ограблении в доме Ковригина. А то как бы вы со служебным рвением по моему вопросу все остальные свои дела не забросили.

– Конечно, конечно, об чем разговор! – сказал Николай Петрович, бледнея от злости, подсовывая одновременно под локоть Грязнову бумагу и ручку.

– Это ведь опора наша, – продолжал развивать мысль Грязнов. – Такие фермеры. Именно на страже интересов этих образцовых граждан мы и должны стоять. И город они кормят, и налоги платят. И все это в таких трудных условиях... Так... Ну вы, собственно, не стесняйтесь, приступайте к делу, а я, с вашего позволения, тут пока посижу. Мы ведь вам не мешаем? Давно я при снятии показаний не присутствовал...

Пришлось Ширяеву скрепя сердце вести разговор с Ковригиным при свидетелях. Позвал он Жаворонкова, чтобы тот протоколировал, и начал вежливо, внимательно:

– Ну, рассказывайте, товарищ Ковригин, что именно у вас было похищено. Кого подозреваете?...

Ковригин перечислял, отвечал на вопросы скупно, но по делу. Наконец был составлен список украденного имущества. Николай Петрович вытер пот со лба. Столичный генерал опять загудел из своего угла, иронически посматривая на Николая Петровича:

– У вас есть какие-то мысли по поводу того, кто мог это сделать? Первый ли это случай в районе, или были уже подобные? Как давно это началось?

– Мелкие кражи, конечно, были, но обычно мальчишки, подростки, которым не на что выпить... Дачи регулярно обчищают, конечно, – отвечал Николай Петрович, подумав.

– Еще раз убедительно прошу – докладывайте мне о ходе расследования, – сказал Вечеслав Иванович, поднимаясь.

– До города-то как доберетесь? Давайте я сейчас вам машину предоставлю служебную, чтобы не долго, – засуетился Николай Петрович.

– Да что уж зря вашу машину служебную гонять. – Грязнов-старший был непреклонен. – Ну, прощайте, Николай Петрович, – сказал он, пряча на всякий случай руки в карманы. – Мы, пожалуй, поедem. Сами транспорт найдем.

– До свидания, до свидания, – закивал Николай Петрович.

Когда гости вышли, он закрыл дверь и пошел к окну. Гости уехали на машине Ковригина.

Ах, как нескладно все получалось. Насчет того, кто именно обчистил фермера, у Николая Петровича была твердая уверенность, и, кабы не столичные гости, дело он это спустил бы на тормозах, совсем, пожалуй, не стал бы им заниматься. Тем более что фермер этот был у него как бельмо на глазу. С другой стороны, если бы можно было так раскрыть это дело, чтобы к общему удовольствию – и своих, и чужих, – глядишь, было бы какое повышение, благоволение со стороны этого начальника МУРа... Но как это можно было сделать, Николай Петрович не знал, и потому оно представлялось ему со всех сторон опасным, темным, того и гляди, оступиться.

– А пойду я, пожалуй, домой, – сказал он, выходя в коридор, Ване Жаворонкову.

Ваня радостно улыбнулся. Раз он был больше не нужен начальству, он мог пойти подежурить на окраине города, возле пустыря, отлавливая и штрафую парочки, занимающиеся любовью в машинах или прямо на природе. Смущенные любовники обычно денег не жалели и готовы были отдать блюстителю порядка все содержимое своих кошельков...

Когда Денис Грязнов явился домой, было уже довольно поздно. Добираться пришлось на электричке. Люда была дома и жарила на кухне картошку. Поначалу это его даже раздражало – у себя дома усталый человек не может остаться один. Он прошел прямо в грязных ботинках на кухню, плюхнулся за стол, не здороваясь. Люда молча посмотрела на него краем глаза, улыбнулась каким-то своим мыслям и помешала в кастрюльке. «Почему, интересно, она не спрашивает, отчего это я так рано вернулся и такой грязный?» – подумал Грязнов.

– А у меня джип украли, – не выдержав, сам сказал Денис и удивился: чего он жалуется?

– Бедный, – сказала Люда искренне и, больше ничего не спросив, поставила перед ним тарелку.

И тут Денис подумал, что в совместном проживании безусловно есть свои плюсы.

Глава вторая

Домой Ковригин вернулся воодушевленный. Еще бы – если начальник МУРа обещал лично проконтролировать расследование, местная милиция просто обязана внимательно отнестись к его делу.

Но прошло несколько дней, и... ничего не произошло. Абсолютно ничего. Ни осмотра места преступления, ни опроса пострадавших, то есть их, Ковригиных... Он пару раз наведывался в райотдел, но к Николаю Петровичу его не пустили... А случайные знакомые Ковригина были уже далеко! Ну в самом деле, не звонить же в МУР! И тогда Ковригин решил сам попытаться разыскать преступников.

– Хуже ведь не будет? – рассуждал он вечером, когда они с женой пили чай на летней веранде. – А кто его знает, может, и найду какие-нибудь кончики...

– Ты только поосторожней, Вася... – отвечала жена, – сам ведь знаешь, как к тебе относятся...

Ковригин знал. Но весть о его ограблении, которая уже облетела весь городок, ставила Ковригиных вровень со всеми. Он заметил, что бывшие недоброжелатели стали как-то приветливее. Любят у нас страдальцев, гораздо больше любят, чем благополучных и успешных. Эх, Россия, умом тебя не понять, это уж точно...

...Ковригин с самого утра бродил по поселку, иногда сворачивал в небольшие улочки, но скоро опять возвращался в центр. Будний день, середина недели, людей на улицах было не очень много, и Ковригин, озираясь то через одно плечо, то через другое, заходил в маленькие магазинчики, тесно лепившиеся друг к другу за большой церковью, что возвышалась недалеко от главной площади. Покупать он ничего не покупал, так, присматривался да прислушивался и все оглядывался на двери, будто кого-то ждал. Обошел он и вокруг запертой на огромный замок церкви, поглядел на разноцветное стекло витражей, в которых уже сплошь сияли черные дыры, поглядел на кучи белого кирпича, валявшегося рядом с храмом, – этот кирпич бы ему! Вполне хватило бы на летнюю кухню, к примеру. А то и на дровяной сарай!

Ковригин то и дело спотыкался на битом кирпиче и старался ступать по чистой земле, без камня. Чаше не получалось: битый камень сплошь покрывал площадь, давно не касалась этой земли хозяйская рука. Ничего подозрительного ни здесь, ни в магазинах, ни в небольших улочках найти не удалось. Попытки Ковригина заговорить с продавщицами на предмет «Не замечали ли вы новенький „рейнджровер“ с рампой на крыше?» воспринимались плохо. Ковригина даже не удостоивали взглядом. Люди нынче боятся совать нос в чужие дела...

«Никаких следов, никто ничего не видел, не слышал. А если и видел, то ни за что не скажет... – думал Ковригин. – Видно, надо менять тактику. Конечно, нужно идти в лес, на место преступления».

Приняв решение, Василий вышел из очередного магазинчика и, решив отправиться в лес, резко развернулся, едва не сбив с ног деда, долгожителя поселка.

– Ты чего? – растерялся дед, едва устояв на ногах, седая борода затряслась.

– Ну прости, дед, – Ковригин поддержал старика.

– Оглашенный, – это слово деда донеслось Ковригину вслед.

Ковригин шел быстро, не обращая теперь внимания ни на жителей, ни на магазинчики. Единственное, на чем он задержал взгляд, было здание милиции. Туда по одному подходили или подъезжали милицейские машины. Здание стояло на углу поселка и главной улицы, которая сбегала к реке.

Василий чуть помедлил, нерешительно поднялся на крыльцо.

– Вам кого? – наконец поднял голову дежурный.

– Нет, никого, – Ковригин сошел со ступенек и направился к лесу.

– Ходят тут, – проворчал дежурный, углубляясь в свою писанину.

...Василий Ковригин с детства все привык делать сам. Конечно, не сам привык, приучили. В основном дед, которому и был обязан Василий как лучшими своими качествами: силой воли, умом, выдержкой, фантазией – так и отрицательными: скрытностью и упрямством. Лена терпеть не могла эти его качества.

– Нет, ну ты пойми, ты вдумайся, – обычно семейный скандал начинался с этих ее слов.

Но Ковригин был не в состоянии ни понять, ни вдуматься, он просто упрямылся, даже если и понимал, что неправ, свято следуя завету деда: «Ковригины всегда правы».

Будучи умным человеком, Василий в глубине души признавал свою неправоту, но признать это открыто никак не мог, гордыня не позволяла. Очень высокого мнения был о себе Ковригин. Да, собственно, для этого были все основания: в прошлом военный инженер, автор нескольких патентов на изобретения, большой специалист своего дела, да и просто на все руки мастер: что в доме ни сломается, все чинится исключительно ковригинскими руками. Да и не только в своем доме: всем соседям чинил Ковригин разные бытовые приборы – от радиоприемников до стиральных машин. И не просто чинил, а даже усовершенствовал: магнитофоны теперь служили одновременно будильниками, мигая светом и начиная играть в установленное время двести сорок мелодий приятной музыки вместо традиционных звонков.

Чего только не придумал Ковригин за годы жизни в поселке: и усовершенствованные сеялки-молотилки, и мини-трактор-мотоцикл, и аппарат для дойки коров. Правда, почти все его изобретения в последнее время имели прямое отношение к тому делу, которым сейчас занимался Ковригин, – к фермерству. Привык Василий серьезно и глубоко относиться ко всему, чем бы он ни занимался: военной ли инженерией, выращиванием ли молодняка, разработкой ли аппарата для механизированного кормления кур.

Но кроме всего прочего, была у Василия и тайная страсть, можно сказать, мечта всей его жизни: видеосъемка. В то время, когда его семилетние ровесники мечтали стать космонавтами, а потом, семнадцатилетние, хотели создать собственный бизнес, Ковригин мечтал о видеокамере. Это было непросто – видеокамера стоила очень дорого. Ковригин копил деньги, откладывал каждую копейку. И наконец через пару лет купив ее, Ковригин несколько дней не мог вообще ни о чем думать, кроме как о съемках, он только и делал что снимал. В основном то, что любил: природу, свои изобретения и тех, кого любил, – жену Лену и сына Алексея.

– Ну как ребенок малый, – ворчала под нос Лена, про себя радуясь вместе с мужем...

Поэтому ничто так не огорчило Ковригина в этой истории, как пропажа кассет, на которых были записи его сына – единственное, что осталось им с Леной после его гибели.

...Ковригин очень хорошо запомнил тот день, когда им сообщили о смерти Алеши. Было воскресенье. Стояла ясная, солнечная погода. Василий пил пиво на крыльце, запрокидывая бутылку и причмокивая после каждого глотка.

Пересохшее белье вяло надувалось на веревке, протянутой через весь ковригинский двор.

Лена пришла за бельем в коротком халатике, схваченном на животе одной пуговицей, по-домашнему.

– Людей так много на земле и разных су-удеб... Надежду дарит на заре паромщик людям... – набрав полный таз белья, она ушла в дом и продолжала петь там.

Ковригин разглядывал солнце сквозь бутылку. Неожиданно хлопнула калитка. Ковригин оглянулся.

«Почтальон? Странно, в такое время», – подумал он. Все остальное происходило словно в вязком тумане. Он на всю жизнь запомнил это состояние...

– Телеграмма, – сказал почтальон, не доставая, впрочем, самой телеграммы.

– Ну? – спросил Ковригин. – Ты что, Сергеич?

– Ты только это – мямлил почтальон, нерешительно доставая из сумки сложенный бланк.

– Давай телеграмму. Чего копаешься-то? – весело подмигнул Ковригин.

Лена снова вышла с пустым тазом из дома.

– Вась, кто там? – крикнула она.

– Сергеич. Телеграмму принес, – негромко ответил Ковригин.

– От кого?

Она услышала, тихо подошла, словно почувствовала, что случилось.

А случилось то, что их сын, который служил на флоте, трагически погиб.

Ковригин не любил вспоминать подробности случившегося. Он не вполне понимал, зачем Лене понадобилось писать сослуживцам Алеши, узнавать, что и как произошло, о чем думал, что делал и что говорил их сын в последние дни своей двадцатилетней жизни... Ковригину казалось, что теперь все эти детали только делают еще большее, еще страшней потерю...

Утешая жену и стараясь объяснить нелепость ее желаний узнать в деталях подробности гибели сына, Ковригин сам, стараясь, чтобы этого не видела жена, втайне снова и снова просматривал все сделанные им видеозаписи...

Как– то Лена застала его за этим занятием.

– Опять?

– Что – опять? – деланно удивился Ковригин.

– Ты думаешь, я не знаю?

– Что – не знаешь? Что – опять? – Ковригин растерялся.

– Только зря себя мучаешь, – Лена заплакала, Ковригин подошел к ней, обнял ее. – Бедные мы с тобой, бедные...

– Как раз таки мы с тобой богатые, – попытался сострить Ковригин, вышло не особенно к месту.

– Только кому все это теперь нужно? – сказала Лена.

– Как – кому? Жизнь продолжается. – Ковригин старался отвечать бодрее.

– Какая там жизнь, – Лена махнула рукой, – только о нем и думаю.

Она, тяжело вздохнув, присела на край дивана.

– А помнишь, он, когда родился, русский такой был, а потом потемнел, а как в армию провожали...

Лена снова заплакала. Ковригин задумался. Нужно было сказать какие-то точные, правильные слова, даже не утешения, а слова, которые придали бы сил, помогли обрести смысл. Он понимал, что жене сложнее, чем ему: у него все-таки дело, не позволяющее расслабляться, иной раз и захочешь оттянуться, да некогда. А у нее – одни воспоминания.

После смерти сына Лена ушла из школы, где работала учительницей. Василий понимал, что ей нужно время для того, чтобы обрести хоть какое-то душевное равновесие, но в душе он был против этого ее ухода. Он догадывался, что свободное время – тот самый резерв боли – ей сильнее вернет самые лучшие ее воспоминания, их воспоминания...

Работа не позволяла Ковригину уделять много внимания воспитанию сына. Этим в основном занималась Елена. Новые изобретения, патенты, проблемы, свои и чужие, – все это наполняло до краев жизнь Ковригина, отдавая семье одно из предпоследних мест. На последнем месте был у Ковригина сам Ковригин. Себе он уделял меньше всего внимания. Он мог забыть пообедать и поужинать, не спать ночь, разбирая какую-то очередную сломавшуюся недавно изобретенную штуквину, причем все попытки Елены вернуть его к нормальному ритму ничем не кончались.

– Как так можно? – жаловалась она. – Ты совсем не уделяешь времени ни мне, ни сыну.

– Ну как не уделяю? – обижался Ковригин. – А для кого я, по-твоему, все это?...

– Не знаю для кого, а нам нужно твое внимание, твоя ласка, твое слово, наконец!

– Все, – принимал решение в таких случаях Ковригин, – завтра все вместе идем в лес.

Походы в лес постепенно стали семейным праздником. Лена радовалась тому, что они вместе и все внимание, которое Ковригин обычно уделял своим железкам, теперь ее. Алеша радовался всему: и папе, и маме, и лесу.

– Папка! – кричал Алексей. – Я нашел!

По уши в грязи, Алеша, ему тогда было около восьми лет, тащил огромный гриб.

– Мы его будем целую неделю есть, правда, пап? – радовался Алеша.

Ковригину не хотелось разочаровывать сына.

– Давай лучше мы его засушим, а потом, когда ты вырастешь, это будет памятью о том, каким ты у нас был в детстве замечательным грибником, – предложил Ковригин.

– Нет, лучше съесть, – запротестовал Алеша.

– Я тоже думаю, что лучше съесть, – поддержала сына Лена.

– Какие вы у меня необразованные, – шутя расстроился Ковригин.

Пока они все вместе осматривали гриб, Ковригин объяснял сыну, почему этот гриб несъедобен, посвящая сына в лесные тайны...

Да, многое в жизни Ковригина было связано с этим лесом. Здесь прошли и его детские годы, и даже маршрут их с Леной свадебного путешествия прошел через этот лес: Ковригин счел нужным показать жене все, что он любил, приобщить ее ко всему, что знал и понимал он сам. Лена, правда, приобщалась с трудом. Ее больше прельщали бытовые радости, как, например, покупка стиральной машины с просушивающим белье устройством, которое очень быстро сломалось, а починить у Ковригина руки не доходили: дела находились и поважнее. Лена обижалась, он объяснял, она понимала и все равно обижалась. Потом, конечно, радовалась вместе с ним каждому его новому изобретению и вместе с ним и сыном отправлялась в лес...

«Вот уж точно, никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь», – узнавал знакомые лесные тропы Ковригин, стараясь не отвлекаться на личные воспоминания, связанные с этим лесом.

Дорога петляла вокруг пригорков. Из синевы ельника пахло сыростью, под ногами захлюпала вода. Ковригин пожалел, что не обул дедовы боты, старомодные, с высокими голенищами. Зрелище, конечно, еще то, зато ноги в тепле и сухости.

Недавно прошли дожди, да и это место в лесу, само по себе болотистое, словно впитывало в себя всю воду, грозя утопить ольшаники по самую макушку. Постепенно лес впереди поредел, расчистился, за чахлым осинником вдали открылись зеленые кучерявые острова. Но попробуй дойти до этих островов! Раньше кормились на них кабаны, лоси, а теперь, бывает, и люди прячутся...

О том, что в районе появилась банда, Ковригин впервые услышал от Егора Назаренкова. Егор – сосед, через два дома от него, почти ровесник, на пару лет старше, был человеком хитрым, резким на слово. Поговаривали в поселке, что бабка у него ведьма была, вот и оставила она ему в наследство хмурые взгляды да черные мысли. Не любили односельчане Егора, а может, просто побаивались, слишком уж чужим выглядел он на их фоне: всегда трезвый, сдержанный, скрытный. Все вокруг него было сплошной тайной: чем занимался, на что жил? Жена Егора Ольга и Лена познакомились до того, как судьба свела Василия с Егором. Назаренков был одним из немногих людей в поселке, интересных для Ковригина. Ковригин знал, что у Назаренковых нет поселковых друзей, часто они куда-то уезжали с женой на старой «восьмерке». Поскольку никто не знал ничего, то и домыслы складывались самые невероятные.

– Пришел колдун, – услышал Ковригин как-то в очереди в магазине. Оглянувшись, он понял, к кому это относилось: в магазин вошел Егор.

«Злые языки страшнее пистолета...» – вспомнил Ковригин заезженную цитату из Грибоедова. Ко всему, что говорили о Егоре, он прислушивался, но почти ничему не верил. Егор нравился Василию: умный, веселый, сильный. Правда, было во взгляде соседа что-то странное,

каждый раз, когда он смотрел, возникало ощущение, будто он знает о тебе какую-то тайну, прочитывает тебя насквозь. Да и сам разговор тогда с ним тоже состоялся странный.

– Зайди, – коротко сказал Ковригину Егор, когда они случайно столкнулись в продовольственном магазине.

«Зачем?» – хотел было спросить Василий, но сдержался, просто кивнул.

– Пиво будешь? – предложил Егор, когда Ковригин, улучив минуту, зашел после рабочего дня к соседу.

– Зачем звал? – ответил Ковригин.

– Просто, – уклончиво ответил Егор.

– Если просто, то я пошел, дел по горло, извини...

– Ты погоди-ка, хоть присядь, – засуетился Егор. По всему было видно, что он хочет что-то сказать, да не решается.

– Зачем звал? – повторил вопрос Ковригин.

– Поговорить хотел.

– Говори.

– Пиво будешь? – снова спросил Егор и прищурился, лукаво поглядев на Ковригина. – У русского мужика, сам знаешь, без пива-то язык не развяжется.

– А ты сам выпей, а потом говори, – предложил Василий, начиная раздражаться: «зайди» – было едва ли не приказано ему, а теперь делает вид, мол, просто выпить пригласил.

– Сам-то я могу, – в тон ему ответил Егор, – да я с тобой хочу.

– Со мной как-нибудь в другой раз, – заупрямился Ковригин. – Вот что, Егор, если что срочное, говори, а нет, я пойду...

– Ты ничего странного в поселке не замечал? – после некоторого раздумья спросил Егор.

– В смысле? – переспросил Василий.

– Ну, в смысле: ничего странного?

– Вроде нет.

– Ну и ладно, – Егор вздохнул с облегчением. – Ты, это, не обращай внимания...

– Что-нибудь случилось?

– Нет, ничего, кстати, как насчет «как-нибудь в другой раз»?

– На следующие выходные пойдет?

– Забито, – согласился Егор, – а как с женами?

– В смысле? – не понял Василий.

– В смысле: с ними или без них?

– Куда же без них-то? – рассмеялся Василий.

– Это точно, – усмехнулся Егор.

Егор пожал на прощание Василию руку, пристально заглянул в глаза. Было в этом взгляде что-то настораживающее, словно какая-то тайна, которую Егор хотел, но по непонятной причине не решался открыть.

О том, что это за тайна и как она связана с интересующими его событиями, Василию удалось узнать гораздо позже.

Теперь же он, одолеваемый сомнениями, догадками и воспоминаниями, шел по лесу, ломая ветви деревьев, пугая соек и еще кого-то, кого именно, Ковригину не удавалось разглядеть, настолько быстро этот «кто-то» ускользал из-под его ног и, шурша, исчезал в лесных зарослях.

«Видела бы меня сейчас Лена», – думал Ковригин, пытаясь сориентироваться, отыскать место, на котором недавно должен был, по его расчетам, стоять джип.

Конечно, оба Грязнова уже осматривали место, откуда угнали их джип. Но Ковригин, человек, который знал здесь каждую кочку, каждое деревце, мог увидеть что-то важное, ускользнувшее от внимания даже опытных сыщиков.

Место было очень похоже, но явно не то. Такой вывод напрашивался потому, что место, на котором сейчас стоял Ковригин, было совсем нетронутым, даже трава здесь не была прижата...

«Вот и ветки так растут, что мудрено было бы поставить тут машину, не обломав их», – соображал Ковригин. Оглядевшись внимательнее, он понял, что джип стоял не здесь.

«Все, нюх потерял, на пенсию пора», – ругал себя он.

Ковригин немного помедлил, потом пошел в направлении, которое ему подсказала интуиция. Она не подвела, вскоре Василий обнаружил следы.

Обломанные по краям тропинки ветви деревьев говорили о том, что Ковригин движется в правильном направлении. Вот и то самое место. Следов уже не было заметно никаких. Ну разве что чуть прижатая трава... Ковригин присел на корточки, разглядывая траву и землю.

«Следы шин, вот они, видно, что джип „рейнджровер“ – следы от протекторов широкие...» – неторопливо размышлял Ковригин. Снова и снова осторожно, стараясь не пропустить ни сантиметра, он проводил руками по земле, по кустарникам, в зарослях прошлогодней высохшей и новой, зеленой травы. Наконец, вот оно!

«Нашел!» – едва не вскрикнул Ковригин и поднял с земли смятую пустую пачку из-под сигарет «Парламент».

«Здоровье берегут», – вспомнил Ковригин недавнюю рекламу по телевизору: оказывается, сигареты «Парламент» самые безвредные из всех сигарет, какие только продаются на нашем отечественном рынке.

Пачка была грязная, на нее, судя по ее виду, несколько раз наступили, искать на ней отпечатки пальцев (даже если бы такая мысль пришла ему в голову) было бы нелепо. Ковригин покрутил пачку в руке, подумав, вытащил из кармана прозрачный полиэтиленовый пакет, положил в него пачку, потом засунул все это в карман.

«Кто знает, – думал он, – а вдруг?» Что именно «вдруг», он не знал, но основательность во всем, что бы он ни делал, заставляла его поступить так, а не иначе. Как всегда, точнее, почти как всегда Ковригин оказался прав.

«Вот здесь стояла машина. Здесь они курили. Можно ли найти следы их обуви? – задумался Ковригин и осмотрел траву: понять по ней, где чьи следы, было сложно. – Неужели это все?» – думал он, окидывая взглядом лесную площадку.

Похоже было на то, что действительно «все». Ковригин сел на землю, нужно было принять решение: что теперь делать с этой пачкой? Сдать в милицию? Оставить себе? Да и вообще, является ли эта пачка хоть каким-либо доказательством? Ну и что с того, что бандит курит «Парламент»? Не хватать же каждого только на том основании, что он курит те же сигареты? Ковригин был несилен в разгадывании детективных историй, но полагаться было не на кого.

«Может, с Егором посоветоваться?» – Ковригин давно уже собирался поделиться с соседом, но все как-то случай не подворачивался. Что касается Лены, то ее Василий решил не посвящать в подробности своих поисков: лишние волнения, а толку? Оставалось – самому...

«Так, еще раз внимательно все осматриваю – и домой», – Ковригин вспомнил, что забыл предупредить жену о том, что он опоздает к ужину.

Неожиданно что-то белеющее в высохшем кусте в двух метрах от места, где стоял джип, привлекло внимание Ковригина. Маленький клочок смятой бумажки – Ковригин поднял его: это был чек из магазина. Сумма, выбитая кассой на чеке, даже удивила Ковригина: триста девять рублей.

«Маловато будет», – разглядывал он чек. Больше всего его удивляла та безалаберность, с которой бандиты оставили следы и даже не позаботились о том, чтоб их ликвидировать.

Он вспомнил свой дом после ограбления. Та же наглость и ни малейшего желания скрыть следы преступления.

«Та же рука», – подумал Ковригин и снова внимательно осмотрел чек.

«Москва. Номер магазина. Дата. Число – это уже кое-что, – обрадовался Ковригин, – скорее всего, бандиты живут в столице, ну а что это за магазин, будет несложно выяснить».

Аккуратно положив чек в тот же пакет, что и пачку из-под «Парламента», Ковригин отправился домой. Ближайшие планы были ясны, оставалось только как можно скорее заняться их выполнением. Ковригин решил начать завтра с утра.

Глава третья

С самого раннего утра в просторном кабинете Вячеслава Ивановича Грязнова побывал с докладом и заместитель по работе с личным составом, вернувшийся из месячной командировки в Калифорнию, и зам по хозяйству, непрерывно озабоченный кафелем, недополученным цементом и вечными прогулами маляров. В девять провели «разбор полетов» с оперативным отделом – дела, накопившиеся за последние дни, понемногу таяли... Но тут же возникали новые – как бесконечно отрастающие головы Змея Горыныча.

Из Калифорнии заместитель привез легкий загар, выпученные от удивления глаза, ахи, охи и восторги по поводу организации полицейского дела в Америке. Назначили встречу-беседу с личным составом на пятницу. С утраца. Для бодрости несения службы.

В милицейской сводке опять новости. Накануне ночью совсем еще молодая женщина якобы сама выбросилась в окно из собственной квартиры с шестого этажа жилого дома после ссоры с мужем. Муж объясняет, что причиной рядовой ссоры была ее, то есть жены, усталость, постоянное нервное напряжение, обусловленное сложностями на работе.

Проверять придется по полной программе. Заковыка в том, что эта якобы самоубийца – генеральный директор, практически совладелец крупнейшей столичной страховой компании, через которую проходят астрономические финансовые потоки! Оказалось вдобавок, что странным образом единственным наследником ее сказочного богатства становится муж – безработный, бывший спортсмен, в недавнем прошлом олимпийский чемпион по спортивной ходьбе. Весь последний год прославленный муж вел совершенно аскетический, замкнутый образ жизни, потому что, мягко говоря, до этого столь активно куролесил и злоупотреблял спиртным, что жена категорически лишила его всякого доступа к деньгам. У него месяцами не было даже карманной мелочи.

Последние дни у новопреставленной были основания и для нервного напряжения. Да еще какие! За два месяца три покушения на убийство! В первый раз ее пытались застрелить из проезжавшей мимо машины. Бронированный «мерседес» был обстрелян из автомата Калашникова из-под тента проезжавшего по встречной полосе грузового фургона. Стрелял несомненно профессионал или человек с хорошей спортивной стрелковой подготовкой. Кучность стрельбы просто поразительная! Пуленепробиваемое стекло задней дверцы не выдержало свинцового напора – пассажирское сиденье разнесено в клочья.

Но это... единственная потеря!

Сама хозяйка по счастливой случайности, вопреки обыкновению, сидела не на своем месте, а рядом с водителем.

Через три недели киллеры снова повторили попытку. На сей раз заложили пластид в подъезде жилого дома, на стене напротив входной двери. Так что в зоне поражения оказался лифт, и кабина консьержки, и лестница. Первым вошел охранник и стал пешком подниматься по лестнице. Второй охранник вызвал лифт. В этот момент грянул взрыв! Кто-то не вовремя нажал на кнопку. Или сработал не на тот сигнал? Мощностъ взрыва была такова, что первого охранника, находившегося уже на втором этаже, вынесло на третий! Кабина консьержки и лифтовая шахта просто перестали существовать! Стена, к которой была прикреплена взрывчатка, рухнула, открыв довольно приличный зимний сад и бассейн, который находился у них в доме на первом этаже.

А сама, так сказать, «виновница» торжества в это время все еще находилась во дворе, в кабине машины рядом с водителем.

Еще через неделю – странное самоубийство!

Придется раскапывать. И не только в обломках подъезда... Эксперты, конечно, отыскали остатки взрывного устройства. Теперь раскапывать и распутывать придется в окружении потерпевшей – среди спортивных друзей мужа, да и не только спортивных...

Чего стоят коллеги по работе, компаньоны, клиенты...

К полудню солнце ушло за угол дома, и в кабинете стало прохладнее. Даже вентилятор можно выключить. Визиты, доклады и совещания на некоторое время прекратились, и Вячеслав Иванович, приказав секретарше Людмиле Ивановне, чтобы его не беспокоили, собрал на столе целую гору папок с самыми срочными делами.

– Так-с, – поглядел на внушительную стопку с явным недружелюбием, – но делать придется...

Группу таджиков – крупное гнездо торговцев наркотиками – уже выводят на суд. Дело простое и добротное, прочное. Выявлен канал доставки, определены и арестованы все перевозчики, отмечены и взяты под наблюдение перевалочные базы, контролируется сеть распространения. Молодцы, качественно поработали! Нужно отметить в приказе.

Попрошайничество... Мать-цыганка выводит двух малолетних девочек, девяти и одиннадцати лет, просить милостыню на оживленный перекресток. В результате проведенных оперативных мероприятий удалось установить, что... Так... Притон. Публичный дом с малолетками. Крышей у них является... Вот это да! Ничего себе крыша! За тридцать лет работы в органах чего только не бывало, но такого!... Даже представить себе невозможно. Докатились... Здесь просто так не подступишься. Надо будет связываться с ФСБ... С Генпрокуратурой. Запрос в Думу... Опять... Но могут и замять дело.

– Вячеслав Иванович, разрешите? – В кабинет заглянул Гена Старцев. Сын начальника пятого отдела МУРа, еще вчера был проказливым конопатым пацанчиком, а теперь выглядит настоящим офицером – лейтенант!

– Вообще-то я приказал никого ко мне не пускать, – недовольно пробормотал Грязнов, но, увидев, что Гена с грустным и виноватым видом уже прикрывает дверь, остановил его. – Да ладно, заходи. Ты же не с пустяками?

– С пустяками. – Дверь снова приоткрылась, и показалось печальное лицо лейтенанта Старцева. – Но срочными...

– Докладывай! Говори! Да только складно! И не бубни, как пономарь!

– Сейчас оперативная группа с экспертами уезжает на объект. Товарищ генерал! Я вас очень прошу! Ответьте положительно на мой рапорт! Мне это жизненно необходимо!

– Какой рапорт? – удивился генерал Грязнов.

– Вот он! – Лейтенант Старцев протянул лист бумаги.

– Так... Прошу откомандировать меня в группу... Так... До сих пор не выследили? – удивился Грязнов, поднимая взгляд на Старцева. – И ты решил собственной ценной персоной укрепить группу?

– Я ведь только учусь, – резонно заметил лейтенант. – Вот, хотел бы в этой группе, на таком сложном деле...

– Ерунда, – махнул рукой Грязнов. – Это дельце яйца выеденного не стоит! Чепуха. Они сейчас туда приедут, и дело тут же закроется. Экспертиза установит способ проникновения, оперы выяснят, что действовала группа подростков из автомастерской, к примеру...

– Это гениально! – Лейтенант неподдельно удивился. – У вас, товарищ генерал, гениальная интуиция!

– Грубая лесть! – засмеялся генерал. – Фокус не пройдет!

– Никакая не лесть! – Лейтенант нагло подошел к столу и вытащил из стопки еще не просмотренных генералом дел тощую папочку. – Здесь фотографии... Сейчас я вам все объясню!

Геннадий Старцев извлек из пакета несколько цветных фотографий, на которых было запечатлено место происшествия – двойная стальная дверь служебного входа ювелирного магазина была попросту выломана вместе с дверными креплениями, косяками, частью стены.

– Двоих охранников задушили тонкой металлической цепью, – прокомментировал лейтенант. – А дверь?... Будто ее легко вынули. Будто стена была не бетонная, а из песка. Когда вы сказали про автомастерскую и подростков, я подумал, что на самом-то деле любой мастеровой пацан мог бы так сделать, если бы у него был элементарный домкрат.

– Как домкрат подставить под дверь? – задумался генерал. – Это же невозможно.

– Обычный домкрат невозможно, согласен. Но сам принцип действия домкрата... Наверное, есть какие-нибудь инструменты, которые могли бы...

– Ты гениальный... трепач! – засмеялся генерал. – Это не лесть! А самая горькая правда. Какой-то инструмент ты хочешь изобрести, чтобы приписать его действие уже произошедшему событию?

– Вячеслав Иванович, разрешите я проверю? Уверен, что смогу найти этот или подобный уже давно изобретенный инструмент!

– Оправдаешь доверие?

– Так точно!

– Ну ладно. И в сердце лстец всегда отыщет уголок! Валяй! Только так: если явишься без неопровержимых доказательств своей правоты, то на неделю садишься разгребать архив и сверять картотеку! А если докажешь, что есть такой инструмент и он мог быть у преступников, я тебя так уж и быть... Откомандирую до завершения следственных мероприятий.

– Так точно, товарищ генерал!

– И напоследок... маленькая ложечка дегтя, товарищ лейтенант. На все про все тебе дается – Вячеслав Иванович внимательно посмотрел на часы, – два часа!

– Четыре! – заныл бравый лейтенант.

– Сейчас двенадцать тридцать, – пальцем на циферблате показывал генерал. – В шесть ноль-ноль я уйду из кабинета. Потому что... В семь тридцать у меня совещание в министерстве. Так что... Твой доклад к этому времени должен быть окончен.

– Так точно, товарищ генерал, – Старцев задом попятился к двери, боясь спугнуть такое благодушное генеральское решение, – спасибо, Вячеслав Иванович. Я обязательно найду! У меня такие грандиозные идеи!

Когда радостный Гена Старцев выскочил из кабинета, Грязнов удовлетворенно потянулся в кресле и хотел было предаться стариковским назидательным воспоминаниям о собственной молодости, о первых следственных делах, о мудрых советах и своевременной помощи бывалых, опытных товарищей... Но помешал телефонный звонок!

Не поднимая трубку, Грязнов нажал кнопку внутренней связи и сказал секретарше Людмиле Ивановне:

– Боже мой! Я же просил никого ко мне...

– Так это же Кокошкин! Вы сами просили его в любое время дня и ночи!

– Кокошкин! – Грязнов прижал телефонную трубку плечом, а сам потянулся за сигаретой. – Ты что, зайти не можешь?

– Вячеслав Иванович, – торопливо заговорил Кокошкин, – мы сейчас выезжаем. Это по делу ювелирки. Но не на старое место, а на новое. Они опять дверь вынули. Черный ход в офисе нефтяной компании. Три трупа. С особой жестокостью. Огнестрельные ранения, ножевые... и... опять душили металлической цепью. Взяли много денег. Комиссия считает.

– Это второе их дело?

– Реально мы подтягиваем еще два. Может статься, что получится и больше. Все аналогичные по приметам, по стилю поднимаем в области, в других городах. Наши работают!

– Держите меня в курсе.

– Так точно.

Грязнов положил трубку и внимательно поглядел на тощую папочку, которую ему вытащил Генка Старцев. Вытащил содержимое папочки...

На фотографиях было хорошо видно валяющуюся в мелких бетонных осколках совершенно целую металлическую дверь с ненарушенными замками и всеми креплениями. Ее действительно не ломали, а вынули без видимых усилий. Она просто выпала из бетонной стены...

– Какой-нибудь химический или механический разрушитель бетона? – задумался Грязнов. – Но все это сделано не за минуты, а за секунды!

По положению тел убитых охранников было очевидно, что их застали врасплох.

Первый охранник даже не успел подняться из-за стола, не успел нажать тревожную кнопку – ему набросили цепочку на шею. Второй, видимо, что-то услышал, пошел к первому. Но ничего опасного не подозревал – у него в руках так и осталась чашка с кофе, надкусанный бутерброд...

Бесшумно дверь выпать не могла. Грохот был чудовищный! Тут уж не поспоришь. Но... Только одна версия – все произошло моментально! Грохот – охранник еще не пришел в себя, его тут же душат. Второй, услышав взрыв, просто не поверил собственным ушам, выглянул за дверь – и тут же угодил на нож!

Момент взрыва... Потом секунды три надо, чтобы отреагировать...

Значит?... За эти три секунды налетчики успели прыгнуть в комнату охраны. Метров шесть... Выходит...

– Выходит, что Генка-то прав! – сделал заключение Грязнов. – Это не взрыв. Они бы не смогли подготовиться и стоять у двери во время взрыва. Сами бы пострадали. Взрывная волна, осколки... А они стояли прямо за дверью. Иначе бы не успели. Она упала – они тут же и прыгнули!

Генерал снова нажал кнопку и сказал секретарше:

– Принесите мне те дела Кокошкина, которые он разрабатывает по делу ювелирки.

– Несу, товарищ генерал.

Молодой и рьяный лейтенант Старцев, как шаровая молния, стремительно и шумно проскочил все лестницы и коридоры, мелькнул пропуском на проходной и вылетел на солнечную улицу.

– Слава богу! – обрадовался он, увидев, что его потрепанную «шестерку» не перегородили на парковке. – Хоть выеду без проблем!

Первым в перечне его гениальных идей было посещение автосервиса. Но не простого, а самого крутого! Такого, где абсолютно все автоматизировано и механизировано. По самому последнему слову заграничной науки и техники.

Преступник рисовался Геннадию аккуратным и неприметным работником крутого автосервиса. Днем он ремонтирует чужие навороченные иномарки, молча и добросовестно, в душе сгорая от зависти и ненависти к наглым и тупым богачам. А темной ночью... В компании с бывалым уголовником, жестоким убийцей, мокрушником, он, используя самые передовые достижения техники, ломает неприступные двери... А кровавый уголовник убивает и грабит...

«Нет, грабят они вместе», – уточнил свои предположения сообразительный лейтенант.

Опасно было бы сразу ненароком попасть в тот самый автосервис, где работает преступник. Опасно случайно открыться... Наверняка все автосервисы связаны между собой, сразу сообщат, кому надо...

Не доезжая квартала до мерседесовского автоцентра, Геннадий поставил свою машину у обочины. Вышел, огляделся, как учили на первом курсе в школе милиции, проверился...

У входа его приветливо встретила милая длинноногая девушка в невероятно короткой юбочке.

– Через минуту вами займется наш ответственный менеджер. Вам приготовить кофе, чай? – спросила она, незаметно направляя лейтенанта в комнату ожидания для посетителей. – Сейчас я принесу вам наши последние проспекты. Так много удивительных и приятных новшеств в нашей фирме! Мы рады, что вы выбрали именно нашу фирму. Наверняка вы многое уже знаете о нас, мы всемирно известная фирма! Но вот наш новый рекламно-информационный буклет, тут самые последние наши новости, разработки будущего! Это подарок вам от нашей фирмы!

– Спасибо, – вежливо улыбнулся Геннадий Старцев, и его снова осенила гениальная мысль: – «мне тут ничего не покажут! Они будут мне парить мозги до вечера. Они, вероятно, хотят, чтобы я купил что-нибудь подороже. Машину новую или запчасти к старой. Отсюда надо валить. Срочно! Вообще зря сюда приехал».

– Здравствуйте, – к Геннадию подошел румяный толстячок с фирменным значком на лацкане пиджака. – Я хочу сразу показать вам самые популярные модели этого года. Прежде всего это...

Геннадий обернулся и увидел, что приветливая длинноногая девушка уже встречает следующего посетителя. И так же радушно.

– Я к вам за консультацией, – Старцев остановил поток слов румяного толстячка. – Мне нужны специальные авторемонтные инструменты и приспособления. Наверняка ваша фирма выпускает много уникальных механизмов. Нет ли у вас каталога, по возможности самого полного?

– Я... приглашу специалиста. – Толстячок моментально потерял интерес к Геннадию. – Он вами займется, – и тут же, не прощаясь, убежал в другой зал.

Только через несколько минут томительного ожидания к лейтенанту подошла тощая пожилая дама и с видом необычайного одолжения сообщила, что фирма «Мерседес» не имеет возможности консультировать всяких праздных посетителей относительно авторемонтного хозяйства и приспособлений.

– Если вы хотите открыть или приобрести авторемонтный салон нашей фирмы, обратитесь в соответствующие структуры. Если вы хотите ремонтировать машину инструментами нашей фирмы сами... то это... малопродуктивно. На нашей фирме работают только специалисты самого высокого класса, прошедшие специальную подготовку в цехах германских заводов, специальное обучение, выдержавшие строгий экзамен по европейским стандартам качества...

– Желаю счастья! – скривился Геннадий в ответ и направился к выходу.

Ему пришлось на ходу менять свои грандиозные гениальные планы и обежать несколько больших салонов-магазинов запчастей и автопринадлежностей, он советовался с опытными мастерами в простых сервисах и даже с автолюбителями в гаражных кооперативах.

К четырем часам лейтенант Геннадий Старцев, как ему казалось, уже стал видным отечественным специалистом в странной и запутанной сфере обслуживания и ремонта автомобилей. Но ничего похожего на необходимый инструмент так и не нашлось.

– Что ты ищешь, парень? – прямо спросил его один слесарь, вылезая из-под грузовика и вытирая тряпкой замасленные руки. – Тебе что-то конкретное нужно сделать?

Геннадий с тоской поглядел на неумолимо бегущую минутную стрелку.

– Сейчас половина пятого, – ему было горько признавать свое полное поражение, – а мне нужно, – замялся он, изучающе глядя на слесаря, – мне бы успеть...

Слесарь совершенно не производил впечатления преступного элемента или хоть как-то связанного с криминалом. Простой рабочий человек с открытым и добрым лицом.

– Дело в том, – с тяжелым вздохом решил признаться ему Старцев, – дело в том...

– Не хочешь не говори, – пожал плечами слесарь.

– Я в гараже, – на ходу придумывал Геннадий, – закрыл ворота. А замок такой, что... Ну никак не открыть! Специально с отцом ставили! Нам один мужик на военном заводе запоры

сделал. Я к нему ездил... Голяк! Повторить не может... И разгадать тоже... Вечером отец придет – мне хана! Нужно открыть и как можно скорее. Я думаю, лучше всего выломать ворота вместе с рамой! А потом аккуратно зацементировать. Я уже и со строителями договорился... А чем вырвать ворота, не придумая.

– Только танком! – засмеялся слесарь. – Не мучай голову. Тут только одно средство – автоген! Потом заваришь.

– У меня там еще дверь боковая есть, чтоб ворота лишней раз не открывать, – отчаянно врал Геннадий. – Может, эту дверь вырвать?

– Это уже полегче, – слесарь снова полез под грузовик.

– А она железная, – заглянул в темноту за ним Геннадий. – Мне бы домкратик какой-нибудь... Чтоб дверь снизу зацепить.

– Напрасно тужишься, – донеслось из-под машины. – Ничего не придумашь. Если сам не хочешь автогеном, тогда позвони пожарникам. Они любят оказывать услуги населению. И не очень дорого. Столкуетесь!

– Гениально! – хлопнул себя по лбу смышленный лейтенант. – Это как раз то, что нужно! Как я сам не догадался?!

В начале шестого ликующий Старцев уже стоял перед дверью генерала Грязнова.

– Доложила, сейчас позовет, – сказала секретарша, углубляясь в свои бумаги. – Ты лучше посиди. А то, гляди, как покраснелся и вспотел.

– Ничего, я тут подожду.

Из кабинета вышел Кокошкин и следом донесся голос Вячеслава Ивановича:

– Генка, залетай!

Торжествующий лейтенант Геннадий Старцев в одно мгновение встал навтыжку перед столом генерала:

– Разрешите доложить?

– Поздравляю с успехом! Если есть что докладывать.

– По авторемонту и домкратам могу лично консультировать специалистов.

– А по нашему делу? – Генерал расправил усталые плечи и, разминаясь, встал из-за стола, направляясь к окну.

Лейтенант набрал в грудь побольше воздуха и затараторил:

– Действительно есть такой домкрат! Очень большой мощности! Специальное оборудование! Используется в критических и кризисных ситуациях! Специально разработано и сконструировано фирмой... Фирмой... Тут у меня записано, – Геннадий рылся в карманах пиджака...

Генерал заинтересованно обернулся и поднял брови:

– Фирму потом. Где механизм? Сколько их в Москве? Кто пользуется?

– В Москве таких всего три! Пользуются спасатели! Если во время землетрясения, к примеру, или во время пожара... Мало ли что! Быстро, мощно и безопасно! Часто их вызывают на автоаварии, когда машину искорежило, нечем человека достать... А фирма...

– Ты фирму рекламируешь?

– Классная вещь! – согласно кивнул лейтенант. – Вот они и используют. Потому что лучше нету! Во всем мире!

Генерал нажал кнопку вызова Людмилы Ивановны.

– Кокошкина вернуть! Срочно! – и одобрительно посмотрел на лейтенанта. – Ты, Геннадий, молодец! Ты вот, так сказать, примерно, сослужил мне службу верно!

Довольный Геннадий вытер пот на покрасневшем лице:

– Значит, откомандируете? На три недели?

– Откомандирую. Но... ложка дегтя. Маленькая, но противная. Откомандирую вместе со мной. Я сам буду этим делом заниматься. Там дел оказалось невпроворот. Одному Кокошкину

явно не справиться. Мы несколько групп сформируем. А руководить всей сводной бригадой буду я. Не возражаешь?

Лейтенант так завертел головой, показывая, что не против такого генеральского решения, что, казалось, вот-вот голову себе открутит.

– Ты ко мне в группу хочешь или к Кокошкину? – совершенно ровным голосом спросил генерал Грязнов.

– Я? – поперхнувшись, переспросил лейтенант и невольно задумался на минутку.

– Думай быстрее. – Генерал снова сел за стол. – Сейчас Кокошкин придет, я ему должен готовое решение довести.

Глава четвертая

Ковригин возвращался домой той же дорогой. Чек, найденный в кустах, вместе с сигаретной пачкой лежал у него в кармане. Ковригин еще не решил, что с ним делать. Как распорядиться найденной уликой? В том, что чек из московского магазина не простая бумажка, а настоящая улика – вещь, побывавшая в руках бандита и потому обязанная вывести на его след, – в этом Ковригин мало сомневался. Но, конечно, сомнения имелись. Не очень большие – так, процентов на пятнадцать...

Ковригин справедливо считался мужиком разумным. Он понимал, что жизнь не боевик про хороших и плохих, где хорошие под конец всегда побеждают. В жизни не было места подвигу! В жизни улики не валялись под самым носом. А если и валялись, то на них никто внимания не обращал, потому как великие сыщики, умевшие по пеплу сигары и оторванной пуговице выйти на след преступника, обитали только в приключенческих книгах и фильмах. Нормальный человек, если только он не параноик, ничего подозрительного не увидит ни в оторванной пуговице, ни в товарном чеке, лежащем в придорожном кусте. Где же еще и валяться всякому мусору?

Процентов на пятнадцать Ковригин допускал, что чек этот мог попасть в кусты из кармана честного обывателя, ни сном, как говорится, ни духом с бандитами не связанного. Скажем, шел себе еще один столичный гость, любитель помокнуть под дождем с удочкой, культурно провести выходные. Шел он по тем же местам, где сегодня проходил Ковригин, остановился возле куста справить нужду, да и дальше направился, посвистывая. И что ему до того, что из кармана вылетела жеваная старая бумажка и, завертевшись осенним листом, улетела в заросли? Честный обыватель на этот чек, скорее всего, крючки покупал, лески.

И вот чек, оказавшийся случайно не в то время не в том месте, уже ведет доморощенного шерлока холмса по ложному следу...

Да, все эти кислые мыслишки бродили у Ковригина в голове, как опара, то переполняя сознание до краев, то снова опадая на дно. Ковригин старался не дать им ходу, чтобы ненужные сомнения не задавили на корню его решимость что-то сделать самому. Ковригин вообще не любил предаваться лишним размышлениям и сомнениям. Он любил, раз для себя что-то решив, уже не отступать до конца, пока не победит или не проиграет.

«С другой стороны, если посмотреть, – размашисто шагая через лужи по знакомой местности, где нет нужды лишний раз глядеть под ноги, думал Ковригин, – если допустить, что этот чек обронил бандит... Тогда вряд ли он будет из магазина „Охотник-рыболов“. Хотя и бандит может быть членом охотничьего клуба и даже открыто патроны к помповому ружью там покупать... Кто его знает, что у бандита на уме? У него ж на лбу не всегда написано... Допустим, если по кассовому аппарату вычислить адрес магазина (Ковригин случайно знал из жалоб своего знакомого московского торговца, имевшего три киоска на Динамо, какая катавасия происходила пару лет назад, когда московский мэр издал приказ обязательно регистрировать все кассовые аппараты), вычислить адрес магазина и приехать, посмотреть, какой он. Допустим даже, что охотничий магазин. Можно по пробитым ценам узнать, что покупали. Бандит что бы покупал?»

Как ни слабо знал Ковригин преступный мир, но облик матерого уголовника (а именно такими ему показались грабившие его дом бандиты) не вязался с обликом заядлого рыбака, способного рано встать, прошагать километров пять по дебрям под холодным, пронизывающим, морозящим дождем, потом сидеть не шелохнувшись, выжидать, пока клюнет... Нет, это слишком созерцательное времяпрепровождение не вязалось с бритоголовым угрюмым хамлом с психопатическими нотками в голосе.

«Что бандит может покупать в „Охотнике-рыболове“? – думал свое Ковригин. – Ну, ружье, патроны к нему, газовый пистолет, нож, намордник для пса... Что ему еще в его ремесле пригодится? Ну, линь какой-нибудь, цепь... все... А простой рыбак, разве он это покупает? Он удилища высматривает, лески, крючки, блесны, поплавки... Вот интересно даже проверить!»

Ковригин остановился посреди дороги, пошарил в карманах, вытащил чек и смятую пачку от сигарет «Парламент». Взглянул на оранжевую наклепку ценника на пачке – тридцать рублей, – затем пробежал глазами столбец цифр в правом нижнем углу товарного чека. Сердце его обдала горячая волна. Вот это да!

– Как же я сразу не подумал! – и злясь на себя, и радуясь неожиданной удаче, пробормотал Ковригин.

Вот она, стопроцентная привязка сигаретной пачки к чеку. Теперь на все сто ясно: чек и смятая пачка принадлежали одному лицу.

– Ай да Ковригин! – с гордостью, неизвестно к кому обращаясь, повторял Василий.

Стоимость пачки сигарет, пробитая на ценнике, совпадала с последней суммой, пробитой на чеке неизвестным кассиром. Судя по чеку, покупалось несколько покупок, а напоследок попросил пачку «Парламента»...

– Теперь не скажите, это не простое совпадение! – снова сам с собой заговорил довольный Ковригин. – Это все не просто так!

Ему до щекотки захотелось поделиться своими выводами с каким-нибудь авторитетным лицом. Ни жена, ни сосед Егор не в счет. С кем-то действительно знающим в этой области, кто бы по достоинству оценил ковригинскую смекалку и настойчивость...

Обычная недоверчивость, настороженность, привычка не выбалтывать все, что у тебя на уме, – все эти полезные крестьянские черты ковригинского характера исчезли под давлением мальчишеской бесшабашности.

– Ну, начальник, пора тебя удивить, – хмыкнул Ковригин, резко меняя маршрут.

В начале пятого, когда районное начальство уже начинает покидать уютные норы своих кабинетов, Ковригин поравнялся со зданием райотдела. По привычке резко повернувшись на девяносто градусов, Ковригин вспрыгнул на крыльцо и толкнул тяжелые двойные двери.

Войдя в холл, разгороженный крашеной металлической решеткой, увешанный стендами с образцами правильного оформления документов, Ковригин пробился через плотную очередь без пяти минут совершеннолетних крашенных девиц в коротких расклешенных брючках (последний писк райцентровской моды) и старающихся держаться очень независимо юнцов, стоящих в очереди к паспортистке. Спросил у дежурного сержанта, наклонившись к окошку в решетке:

– Ширяев на месте?

– Вы по какому вопросу? – ответил сержант.

– Ты, сынок, случайно не из Одессы? – отеческим тоном поинтересовался Ковригин.

– Нет, а что?

– В Одессе очень любят отвечать вопросом на вопрос, – ухмыльнулся Ковригин, довольный шуткой. – Черкани пропуск, мне с ним поговорить надо по делу.

– Паспорт, – сухо ответил сержант.

Через пару минут Ковригин оказался по ту сторону решетки. Оказавшись в сердце казенного учреждения, он с любопытством огляделся по сторонам и пошел к лестнице, ведущей на второй этаж. В конце коридора, в темном тупике, лицом к стене стоял гипсовый бюст Ленина. Ковригин ему ухмыльнулся и подмигнул, вспомнив старый армейский стишок, который всегда приходил ему на память в связи с личностью вождя мирового пролетариата:

Разрубил березу на поленья

Он одним движением руки.

Мужики спросили: «Кто ты?» – «Ленин!»

Тут и охренели мужики.

Кабинет заместителя начальника райотдела выделялся среди остальных добротной, сверкающей лаком, широкой дверью, на левой половине которой сияла солидная гравированная табличка с именем и должностью владельца.

С майором Ширяевым, по местной кличке Шерифом (по слухам, сам же Ширяев ее себе и придумал), Василий Ковригин недавно встречался. Встреча эта носила характер частного визита, выражаясь языком дипломатического протокола, и оставила в душе Ковригина неясный осадок.

...Он с утра был дома, занимался ремонтом – при помощи электросверла, на котором закрепил щетку-насадку, соскабливал с потолка на кухне слой пожелтевшей побелки.

Работа эта, как известно, пыльная, шумная и грязная. Они с Еленой откладывали ее до лета, но теперь, после ограбления, решили: раз уж в доме все равно все стало вверх дном, не расставлять обратно все по местам, а навести настоящий порядок. Поэтому с утра в воздухе висела белая удушающая пыль, все полы покрывали слои газетных листов, а мебель, сдвинутая по углам, была укрыта старыми простынями и покрывалами. Елена, чтобы не дышать ядовитой пылью, ушла в баньку и устроила генеральную стирку.

И вот в разгар домашнего землетрясения у ворот их дома остановилась белоснежная, как платье новобрачной, машина, из нее вышел лысый полный мужик в замшевой куртке и, с любопытством поглядывая на ковригинские окна, направился через двор к крыльцу.

Оказалось, сам Шериф пожаловал, собственной персоной.

– Решил, наверное, посмотреть, что за кореш муровскому начальству объявился в нашем колхозе, – смеясь, говорил потом Василий.

Но в тот момент ему было не до смеха: такой важный чин пожаловал в дом, а тут, как назло, кавардак!

Ширяев постучал, вошел в сени, удивленно покрутил головой по сторонам. Увидел в кухне на стремянке белого, как в муке вывалянного, раздетого по пояс Ковригина, пошутил:

– Ничего себе пельмешек получился! – и не побрезговал поздороваться с хозяином за руку.

Расторопная Елена и в такой ситуации сумела выкрутиться. Быстренько провела гостя по газеткам в зал, где было чище, чем в других комнатах, на ходу сдернула с дивана присыпанный тонким слоем белой пыли чехол из простыней, усадила майора, достала из буфета бутылку коньяку, коробку шоколадных конфет, хрустальные рюмки. Пока Василий поспешно мылся, Елена уговорила гостя выпить и закусить, а когда муж вошел – поспешно скрылась за дверью и появилась через минуту в платье, с подправленной прической, с тарелками с горячей закуской в руках – диво, когда только успела...

Ширяев у них долго не засиделся. Задал еще пару вопросов про ограбление, как, да что, да во сколько произошло... В общем, все то, о чем Ковригин уже и ему рассказывал, и раза три повторил приезжавшему сюда следователю. Майор, следом за хозяевами пройдясь по всему дому, кивал, вникал, слушал, сокрушенно качал головой:

– Совсем обнаглели, отморозки... Ну ничего, Василий, твое дело под моим личным контролем. Найдем мы этих гнид, не волнуйся.

И все–таки Ковригину казалось, что майор чем-то остался недоволен. Что-то во взгляде Шерифа, холодном, отчужденном, не давало поверить не только в исполнимость его обещаний (это уж как повезет, найдут -не найдут), но даже в искренность его сочувственных слов.

Выпив и закусив, но весьма умеренно, по-деловому, Ширяев поднялся. Крепко пожал на прощание руку Ковригина, похвалил хозяйку, особенно ее фирменные помидорчики в желатиновом маринаде с чесноком:

– Объедение! Никогда таких маринадов не пробовал! Царские! Моя старуха такого не приготовит! – и стал прощаться.

Ковригины вышли проводить гостя до машины. Василий, стесняясь собственной неловкости, никак не мог решиться, в какой момент сунуть в багажник Шерифовой белоснежной иномарки две увесистые торбы со снедью, собранные расторопной Еленой, пока мужчины закусывали и обсуждали дела.

– Лишнее! Лишнее! – отмахиваясь от ковригинских щедрот, недовольным голосом повторял Ширяев. – Обижает, Василий!

Но в конце концов все-таки принял подношение.

– Так и быть, только из уважения к хозяйке! Грех от таких помидорчиков отказываться. Беру, но с условием, что в следующий раз у меня...

Василий сунул торбы в пустой широкий багажник. Шериф долго мял в своих ладонях красные пальцы Елены, отвечивал ей комплименты:

– И где ты себе такую хозяйку отхватил, Ковригин? И красавица, и готовит... Смотри, как бы в другой раз и ее не украли, а? Это ж сокровище!

Смущенная, румяная, Елена едва отняла у Шерифа свои руки, обветренные, без маникюра и без колец, и, стыдясь за эти руки, сунула их за спину.

– Если вашей жене помидоры понравятся, я рецепт дам, – пообещала она, невольно подмечая, что у самого майора руки чистые, мягкие и пухлые, с золотой печаткой на безымянном пальце левой руки.

«Прямо как у доктора руки», – думала она.

Наконец Ширяев уехал, провожаемый долгими взглядами мужа и жены.

– Вася, я ему твою баночку щучьей икры положила, – с виноватым вздохом призналась Елена, снизу вверх глядя на мужа, ожидая, что он скажет.

За этой шукой Василий охотился в прошлом году, как за лох-несским чудовищем, и поллитровая банка икры собственноручного засола хранилась в погребе для особого случая.

– Ладно, черт с ней, – нахмурившись, махнул рукой Ковригин. – Лишь бы на пользу пошло.

Но ни он, ни Елена не решались обмолвиться, что слабо верилось в эту пользу.

Только поздно вечером, укладываясь спать, Елена решила намекнуть о тревоживших ее сомнениях.

– Вася, как ты думаешь, понравились ему голубцы? – спросила она, мысленно представляя мельчайшие подробности дневного визита и каждое выражение, подмеченное на невозмутимом, закрытом лице майора.

– М-м-м? – переспросил Ковригин, хрустнув газетой. – Голубцы как голубцы... Что им?

– Не знаю, – с сомнением в голосе произнесла Елена, глядя на отражение мужа в трельяже, перед которым накручивала волосы на бигуди. – Может, он со сметаной не любит? Знаешь, некоторым нравится с майонезом. Или, может, надо было томатный соус на стол подать? Может, он с соусом... Мне показалось, что ему у нас не слишком... Как-то вроде не понравилось ему у нас, а, как ты думаешь, Вася?

Она отвернулась от зеркала и посмотрела на мужа круглыми от тревоги глазами. Ковригин вздохнул и перелистнул газету.

– Голубцы как голубцы, – упрямо повторил он, словно не понимая, о чем толкует Елена. – Сказал бы, если не любит.

– Ах, Вася! Я не про то! Мне показалось, что этот майор про нас что-то плохое подумал. Будто мы ему чем-то не понравились или не угодили... Не знаю... А? Тебе не показалось?

– Что я, девка на выданье, чтобы волноваться, понравился я или не понравился? – хмыкнул Ковригин. – Переживет твой майор...

– Зачем он приезжал, как ты думаешь?

– Ну, скорей всего, этот гость наш случайный, Грязнов из Москвы, шишка муровская, напустил на него страху, вот он и решил поехать познакомиться, посмотреть на нас, выводы

сделать, кто я этому Грязнову? Кум, сват? Или так, седьмая вода на киселе... Стоит ли ему ради меня лоб расшибать?...

Ковригин свернул газету и сунул под подушку. Выключил бра, висевшее над тумбочкой с его стороны кровати.

– Эх, хватит думать, давай лучше спать! А то надумаешься перед сном, потом будешь ворочаться с боку на бок без сна.

Елена дернула за шнурок, и разноцветное стекло плафона с ее стороны кровати погасло. Спальня погрузилась в густую, темную, какая бывает только в деревне, безлунную ночь.

Елена лежала не шелохнувшись, но Василий чувствовал, что глаза ее открыты.

– Вася, – прошептала она.

– М-м-м?

– Вася, ты на меня только не сердись. Я ему твоего копченого угря тоже отдала. Ничего?

...

В темной спальне повисла зловещая тишина.

– Вася! – тревожно шевельнулась Елена, вглядываясь в лицо мужа. – Вася, ты не сердись!

– Ладно. Спи.

– Нет, ты скажи, ну скажи, что не сердишься.

– Ладно, не сержусь, – вздохнул Ковригин. – Отдала так отдала.

Про пользу он уже не стал говорить.

Елена с облегчением вздохнула, словно камень упал с души, повернулась к мужу спиной и прижалась всем телом, накрывшись его рукой. Так и уснула. А Ковригин долго еще лежал без сна, пока рука не затекла. Тогда он осторожно забрал руку у жены, перевернулся на другой бок и сразу же уснул.

... Вот такое было посещение майора Ширяева. И снова – тишина.

Вежливо стукнув два раза в массивную дверь и не получив никакого ответа, Ковригин потянул за ручку и вошел в кабинет.

Майор писал, сидя за столом, и не поднял головы, чтобы посмотреть на посетителя, хотя дежурный только что звонил ему с проходной и докладывал. Ковригин неловко замялся на пороге, смущенно разглядывая кабинет с единственной достопримечательностью – невероятных размеров плющом, который стелился по стенам кабинета от пола до потолка.

«Сидит под этими кущами, как лисица в винограднике», – подумал Ковригин про Шерифа.

Майор наконец оторвался от своей писанины, удосужился поднять голову и хмурым взглядом вперился в посетителя. Ни одна жилка не дрогнула у него на лице, так что даже неясно было: узнал он Ковригина, не узнал?

– Здравсте, Николай Петрович, – кивком поздоровался Ковригин и шагнул поближе к столу.

– Здравствуй, Василий, – не меняя выражения, ответил Шериф. – Что нового?

Ковригин без приглашения сел на единственный стул, поставленный для посетителей, причем поставленный боком к столу, так что собеседник представал перед майором в профиль, а при известном усилии – в три четверти. Усевшись, Ковригин тут же сделал попытку развернуться лицом к майору, отчего стул под ним опасно захрустел.

– Зачем же стулья ломать? – пошутил Шериф, но ни взгляд его, ни тон не поддержали шутку, оставались серьезными.

– Шел вот мимо, думаю, надо зайти, поинтересоваться, – объяснил Ковригин, стараясь даже не дышать глубоко, ибо при малейшем движении стул под ним начинал скрипеть и шататься. – Вдруг что новое скажете? Может, что-нибудь уже нашли? Как вообще мое дело продвигается?

Он умолк и уставился на Шерифа, ожидая ответа. Майор не сводил с Ковригина спокойного, немигающего взгляда. Молчание затягивалось. Казалось, отвечать майор не собирается.

– Так что, пока ничего нового? – не выдержав, первым заговорил Ковригин.

Майор повел бровью.

– Рано пока. Работаем, – ответил он.

Ковригин понимающе кивнул. Майор снова склонился к столу. Ручка забегала по бумаге.

– Что-нибудь еще? – сухо спросил он, не поднимая головы, всем своим видом показывая, что аудиенция окончена.

Ковригин кашлянул в кулак, собираясь с мыслями. Стул под ним затрещал.

– Я тут, честно говоря, разузнал кое-что, – начал он, шаря в кармане.

– Да? – ухмыльнулся майор, откидываясь на спинку кресла и с любопытством рассматривая Ковригина. – Ну хитер, брат Василий, кругами ходишь! Давай выкладывай все начистоту.

– У меня появились кое-какие улики, – сказал Ковригин, сжимая в кулаке заветный чек и пачку от сигарет.

– Что-о у тебя появилось?! Улики? – широко ухмыльнулся Шериф, блестя золотыми коронками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.